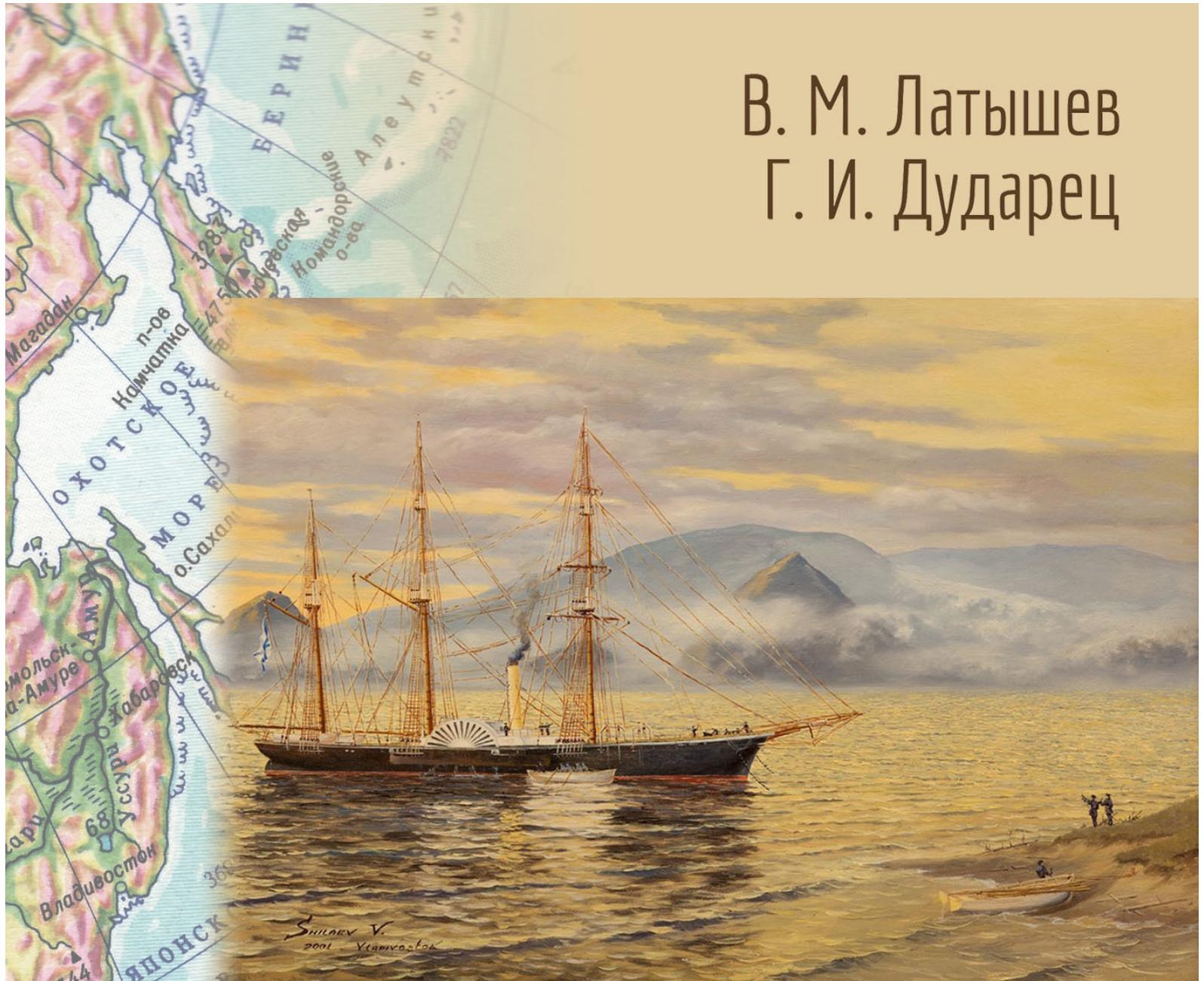

В. М. Латышев
Г. И. Дударец

Пароходо-корвет
«Америка»
и его командир
А. А. Болтин

Галина Дударец

**Пароходо-корвет «Америка»
и его командир А. А. Болтин**

«Атанор»

2018

Дударец Г. И.

Пароходо-корвет «Америка» и его командир А. А. Болтин /
Г. И. Дударец — «Атанор», 2018

ISBN 978-5-9500760-4-6

Первым пополнением флотилии портов Восточного океана стал пароходо-корвет «Америка». В отличие от своих собратьев, «Америка» была пароходом нового поколения, корпус которого имел железную обшивку. Находясь в центре всех основных событий в дальневосточных морях в 50-60 годы XIX века, пароходо-корвет «Америка» довольно часто упоминался в морской литературе и исследованиях по истории Дальнего Востока. Его роль в географических открытиях неоднократно отмечали такие известные историки Дальнего Востока как А.И. Алексеев, Б.Н. Болгурцев, А.А. Хисамутдинов.

ISBN 978-5-9500760-4-6

© Дударец Г. И., 2018
© Атанор, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	12
Глава вторая	28
Глава третья	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

В. М. Латышев, Г. И. Дударец Пароходо-корвет «Америка» и его командир А. А. Болтин

Издание электронной книги:

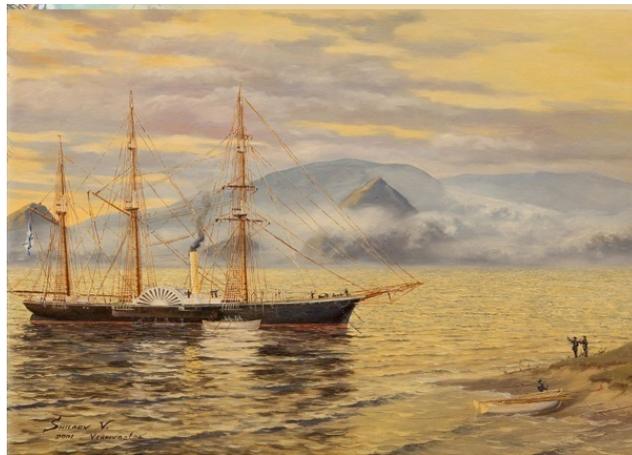
Проект электронного книгоиздания «Атанор» (atanor-ebook.ru) 2018

© Латышев В. М., Дударец Г. И., 2018

© Верстка, дизайн обложки. ИП Баистракова Т. В., 2018

Научный редактор

доктор исторических наук А. А. Хисамутдинов

В оформлении обложки использована картина В. И. Шильева «Пароходо-корвет „Америка“»

Командир пароходо-корвета «Америка» Александр Арсеньевич Болтин

Предисловие

Куда не взглянешь, везде просторно, широко; такого беспредельного простора не встретишь на земле; такую свободу человек может чувствовать только на море!

Д. Романов. С русского берега. Морской сборник. 1862. № 11 (т. LXIII).

7 августа 1856 г. на рейд Николаевска, недалеко от устья Амура, встал новый корвет с высоким мачтами, который поневоле обращал на себя внимание необычным видом^[1]. Заходя на рейд, судно оставляло за собой две красивые кильватерные струи, скрытые обтекателями по бортам два колеса с шумом били по воде. Оказалось, что это не совсем корвет. Корабль был оснащён паровой машиной, которая при необходимости, наряду с парусами, становилась двигателем судна посредством лопастей двух больших колёс. Новое судно Сибирской флотилии, пароходо-корвет, получило имя «Америка» по месту постройки.

У Сибирской флотилии большая и интересная история. Её истоки относятся ещё к XVII веку, но только в мае 1731 г. была создана Охотская военная флотилия. В общей сложности с 1731 по 1854 гг. во флотилии числились 85 судов различного класса, а одновременно от 5 до 10 судов, занимавшихся в основном товарно-пассажирскими перевозками. Помимо этого в функции Охотской флотилии входило обеспечение научно-исследовательских экспедиций на Тихом океане. Изредка её суда перевозили войска для Анадырской партии, созданной для покорения «немирных» чукчей. Товаро-пассажирские перевозки занимали основную часть времени во время навигации, но самые яркие моменты в истории Охотской флотилии в XVIII веке связаны с её участием в исследовательских экспедициях. Среди них можно назвать экспедицию С.П. Крашенинникова^[2] на Камчатку в 1731-1741 гг., Вторую Камчатскую экспедицию капитан-командора В.И. Беринга^[3] и капитана А.И. Чирикова^[4] в 1733-1743 гг., Охотско-Курильскую экспедицию М.П. Шпанберга^[5] в 1733-1743 гг., Северо-Восточную географическую и астрономическую морскую экспедицию капитан-поручика И.И. Билингса^[6] и капитана Г.А. Сарычева^[7] в 1785-1793 гг., плавание поручика Адама Лаксмана^[8] в Японию в 1792-1793 гг. с целью установления торговых отношений с Японией и ряд других известных плаваний.

Использование Охотской флотилии в этих целях стало привычным делом, но при таком положении не могло быть и речи о защите интересов России на Тихом океане. Частично эти задачи стали выполнять суда Балтийского флота, отправлявшиеся в кругосветные плавания на Дальний Восток. Первыми судами, совершившими такое плавание в 1803–1806 гг., были шлюпы «Нева» и «Надежда» под командованием И.Ф. Крузенштерна^[9] и Ю.Ф. Лисянского^[10]. Затем такое путешествие совершил в 1817-1818 гг. шлюп «Камчатка» под командованием капитана 2-го ранга В.М. Головнина^[11]. За ним последовали более десяти других судов. Таким образом, на Дальнем Востоке, помимо Охотской флотилии, кораблей Российско-Американской компании, появилась третья военно-морская составляющая – корабли Балтийского флота.

Заметное оживление военно-морского присутствия России на Дальнем Востоке в 1850-е годы началось после назначения на пост генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва^[12]. Происходит несколько важных событий. Одно из них связано с деятельностью на Дальнем Востоке выдающегося первооткрывателя Г.И. Невельского^[13]. Благодаря деятельности Амурской экспедиции (1849-1855 гг.)^[14] под его руководством, Россия приобр-

рела земли в нижнем течении реки Амур, приморское побережье до Императорской (ныне Советской) гавани и остров Сахалин. К Амурской экспедиции Г.И. Невельского были приписаны транспорты Охотской флотилии «Байкал» и «Охотск». Другим важным событием стал перенос главного военного порта из Охотска в Петропавловский порт на Камчатке. Руководство флотилии перешло в руки военного губернатора Камчатки генерал-майора В.С. Завойко^[15]. И не менее важным событием стало прибытие в 1853-1855 гг. на Дальний Восток ещё одной флотилии военных кораблей Балтийского флота, прибывших с миссией вице-адмирала Е.В. Путятин^[16] для установления дипломатических отношений с Японией и представлявших довольно внушительную силу. Это 52-пушечные фрегаты «Паллада» и «Диана», 44-пушечный фрегат «Аврора», 40-пушечный корвет «Оливуца», 10-пушечный транспорт «Двина» и 4-пушечная винтовая шхуна «Восток» (первое русское паровое судно на Дальнем Востоке).

В связи с возросшими задачами по освоению Приморского и Приамурского края, деятельностью Амурской экспедиции Г.И. Невельского, инициативами генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва решено было укрепить Охотскую флотилию. После начавшейся Крымской войны резко возросла роль устья Амура, куда могли доставляться войска, снаряжение, боеприпасы, необходимые для укрепления обороноспособности всего российского Дальнего Востока. Начало решению этой военно-стратегической задачи положил первый сплав по Амуру огромного каравана судов, барж, плашкоутов, плотов, организованный в 1854 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьёвым, который и являлся начальником сплава. Командовать флотилией был назначен капитан 2-го ранга П.В. Казакевич^[17], чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе, один из самых верных и деятельных сподвижников Г.И. Невельского, бывший у него старшим офицером ещё во время кругосветного плавания транспорта «Байкал». После успешного завершения сплава 25 августа 1854 года «за отличия по службе» П.В. Казакевич был произведён в капитаны 1-го ранга.

В таком состоянии находились военно-морские силы России на Дальнем Востоке к началу Крымской войны. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» приняли активное участие в Петропавловской обороне в августе-сентябре 1854 г. Несмотря на успешное для России завершение этого боя, было очевидно, что следующий, более мощный штурм Петропавловск не выдержит, поэтому в апреле-мае 1855 г. главный военный порт, а также всё население города были эвакуированы оттуда в Николаевский пост. Перебазирование осуществляли транспорты «Байкал», «Иртыш», боты № 1 и «Кадьяк», то есть все наличные силы Охотской флотилии на тот момент. К ним присоединились корабли Балтийского флота – фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорт «Двина». Винтовая шхуна «Восток» использовалась для посыльных целей. Были и потери. Фрегат «Диана» погиб у японских берегов в 1855 г. в результате цунами. Фрегат «Паллада» из-за невозможности эвакуировать в устье Амура и по ветхости затопили в Императорской Гавани. Шхуну Охотской флотилии «Анадырь» уничтожила англо-французская эскадра. Остальные балтийские и сибирские корабли 16-24 мая 1855 г. буквально под носом у блокирующего их англо-французского отряда прошли из залива Де-Кастри Татарским проливом (о существовании которого не знал противник) в устье Амура.

В 1855-1856 гг. флотилия занималась обустройством новой базы в Николаевске.

В начале октября 1854 г. генерал-губернатор Н.Н. Муравьёв приказал капитану 1-го ранга П.В. Казакевичу доставить своё донесение великому князю Константину.

Являясь главноуправляющим Морского министерства, великий князь Константин Николаевич всегда очень подробно занимался делами Дальнего Востока и хорошо понимал, что Охотскую флотилию нужно укреплять. Капитан 1-го ранга П.В. Казакевич был коман-

дирован в САСШ для заказа необходимых для Охотской флотилии трёх пароходов, одного деревянного и двух железных, а также двух небольших пароходов для плавания по Амуру^[18]. Одновременно нужно было заказать техническое оборудование для механического завода в Николаевске, землечерпалку, аппарат для вбивания свай, лесопильный завод, паровой молот и прочее. Кроме того, необходимо было заказать необходимые припасы для эскадры генерал-адъютанта Е.В. Путятина, которая готовилась к походу с дипломатической миссией в Китай и Японию. С Казакевичем выехал в качестве помощника лейтенант Кроун^[19]. Оба направлялись в Америку с чужим паспортами на имя купцов первой гильдии Соловьёва (Казакевич) и Локотникова (Кроун)^[20].

18 марта 1856 г. П.В. Казакевич возвратился в Петербург, исполнив всё необходимое в Америке, а А.Е. Кроун остался наблюдать за достройкой транспортов и отправкой оборудования. По указанию великого князя Константина транспорты были названы «Манджур» и «Японец». В декабре того же года указом «за отличия по службе» Казакевич производится в контр-адмиралы. Он утверждается в должностях Военного губернатора Приморской области^[21] Восточной Сибири и Командира Сибирской флотилии, образованной вместо Охотской в том же 1856 г. Он также становится Командиром портов Восточного океана. Первым пополнением вновь образованной флотилии и стал пароходо-корвет «Америка». В отличие от своих братьев, «Америка» была пароходом нового поколения, корпус которого имел железную обшивку. Находясь в центре всех основных событий в дальневосточных морях в 50-60 годы XIX века, пароходо-корвет «Америка» довольно часто упоминался в морской литературе и исследованиях по истории Дальнего Востока. Его роль в географических открытиях неоднократно отмечали такие известные историки Дальнего Востока как А.И. Алексеев, Б.Н. Болгурцев, А.А. Хисамутдинов. За последние годы появились довольно многочисленные газетные и журнальные публикации по этой теме, правда, как правило, повторяющие друг друга вместе с неточностями. Отдельного же исследования, посвящённого истории судна и его командирам, не было. В настоящем издании делается попытка восполнить этот пробел.

Толчком к появлению более пристального внимания к пароходо-корвету «Америка» и его командиру А.А. Болтину стала поисковая работа научных сотрудников Музея истории города Находки. В 1993 г. директор банка «Находка» обратился в городской музей за фотографией А.А. Болтина, чтобы создать памятник первооткрывателю Находки с его скульптурой. Однако в музее фотографии не оказалось. Поиски фотографии научными сотрудниками музея проходили в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Но найти фотографию удалось только в историко-краеведческом музее Одессы. В 2014 г. в интернете на сайте «Цусимские форумы» появился увлекательный рассказ одной из участниц этих поисков. О том, как всё же была обнаружена фотография, она вспоминала: «Наш спонсор остался доволен результатами работы, но он был готов идти до конца в поиске портрета Болтина. И так как последние годы жизни Александр Арсеньевич провёл в Одессе, туда и должна была быть организована вторая командировка сотрудника Музея истории Находки... Фотография была обнаружена совершенно неожиданно. Случилось это 8 апреля 1994 года. Я посетила Историко-краеведческий музей Одессы и беседовала с сотрудниками, пытаюсь выяснить известно ли что-либо об Александре Болтине, проживавшем в Одессе в конце 19 века. В то время как одна сотрудница убеждала меня, что о таком человеке ничего не известно и в первый раз слышит его имя, другая ходила по кабинету, хаотично открывая ящики, шкафы и перебирая полки. Возможно, что-то искала. Когда она открыла самый верхний ящик, на неё обрушился ворох бумаг. Сотрудница оказалась под грудой папок, документов. Мы бросились её разгребать, собирая бумаги, папки, какие-то фотографии. И дальше произошло нечто необъяснимое – вторая подняла с пола фотографию размера А4, видимо, заинтересовалась видом бравого

офицера, перевернула фото и на обороте прочитала «Болтин Александр Ар...с...». И тут я уже подбежала с криком «Арсеньевич». Да, это был он, наш капитан «Америки». Оказывается, именно в этом кабинете, в этом шкафу хранился ещё неразобранный архив Пожарной Одесской бригады. Ведомственный музей был закрыт, а весь его архив передали в Историко-краеведческий музей Одессы. Но мне до сих пор непонятно, что искала сотрудница этого музея в шкафу и почему фотография упала на пол именно тогда, когда я пришла за ней. Чудеса в исторических расследованиях тоже случаются»^[22].

Затем были и другие яркие открытия у музейщиков Находки. В Москве произошла встреча с потомками прославленного мореплавателя. Они оказались тоже людьми неординарными. У них была ещё одна фотография А.А. Болтина. А в архивах нашлись новые интересные документы. Можно было начинать работу над памятником, но к этому времени банк обанкротился, а директор-меценат уехал. Идея памятника осталась нереализованной.

Но поиск продолжается теперь уже сотрудниками Музейно-выставочного центра г. Находки (прежний музей получил новый статус). Недавно была опубликована содержательная статья его директора М.Б. Нургалиевой «В поисках новых открытий»^[23].

Неожиданные открытия случаются и в других музеях. Так, работая над атрибуцией картины «Кораблекрушение» известного художника-мариниста Р.Г. Судковского, сотрудники Одесского художественного музея выявили новые штрихи в биографии А.А. Болтина^[24].

Богатые архивные материалы по теме исследования хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ) в Петербурге. Фонды Канцелярии Морского министерства и Канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, коллекции послужных и формулярных списков и вахтенных журналов хранят весьма разнообразные архивные материалы по теме – приказы и предписания, рапорты и письма, корабельные планы и схемы, зарисовки и фотоснимки. Великолепно сохранились шкальные журналы пароходо-корвета «Америка», которые позволяют проследить хронологию плавания борта и посещения его экипажа контр-адмиралом Казакевичем, выяснить обстоятельства плавания «Америки» в водах Японского и Жёлтого морей под флагом генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьёва в 1859 году. Они проливают свет на особую страницу отечественной истории, связанную с географическими открытиями в прибрежных водах Тихого океана. Коллекция карт РГАВМФ прекрасно иллюстрирует гидрографическую работу членов экипажа «Америки» в ходе исследования залива де-Кастри и обзора берегов юга Приморья. В описательной части карты залива «Петр Великий», отпечатанной в Управлении Генерального Штаба Восточной Сибири в г. Иркутске, записано: «Осмотр берегов залива Америка и гавани Находка произведён пароходо-корветом „Америка“ в 1859 году. Острова Путятин, Маячный и пролив Стрелок положены по описи клипера „Стрелок“ в 1859 году. Берега от мыса Майделя до залива Посьета сняты с английской карты, с теми дополнениями и исправлениями, которые произведены пароходо-корветом „Америка“ в 1859 году»^[25].

Большую ценность представляют рапорты генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского великому князю Константину Николаевичу и контр-адмирала Казакевича о положении дел на Дальнем Востоке и подробные, обстоятельные рапорты командира пароходо-корвета «Америка» капитан-лейтенанта Болтина, частично опубликованные в «Морском сборнике» 1860-х годов.

Впервые вводятся в научный оборот некоторые документы из фонда адмирала С.О. Макарова, такие как вахтенные записи, сделанные на борту «Америки» рукой гардемарина Стёпы Макарова. Потребовали тщательного изучения комплексы архивных материалов из фондов Инспекторского департамента Морского министерства и личного фонда П.В. Каза-

кевича, связанные с отправкой в 1856-1858 годах, по Высочайшему повелению, наших представителей в Северную Америку, вызванной необходимостью строительства пароходо-корвета и двух транспортов для укрепления Приморской области и Сибирской флотилии.

Материалы Государственного архива Псковской области оказались богаты на сведения о псковской части биографии А.А. Болтина. Были выявлены некоторые материалы по теме в Российском Государственном Историческом архиве и Государственном архиве Одесской области.

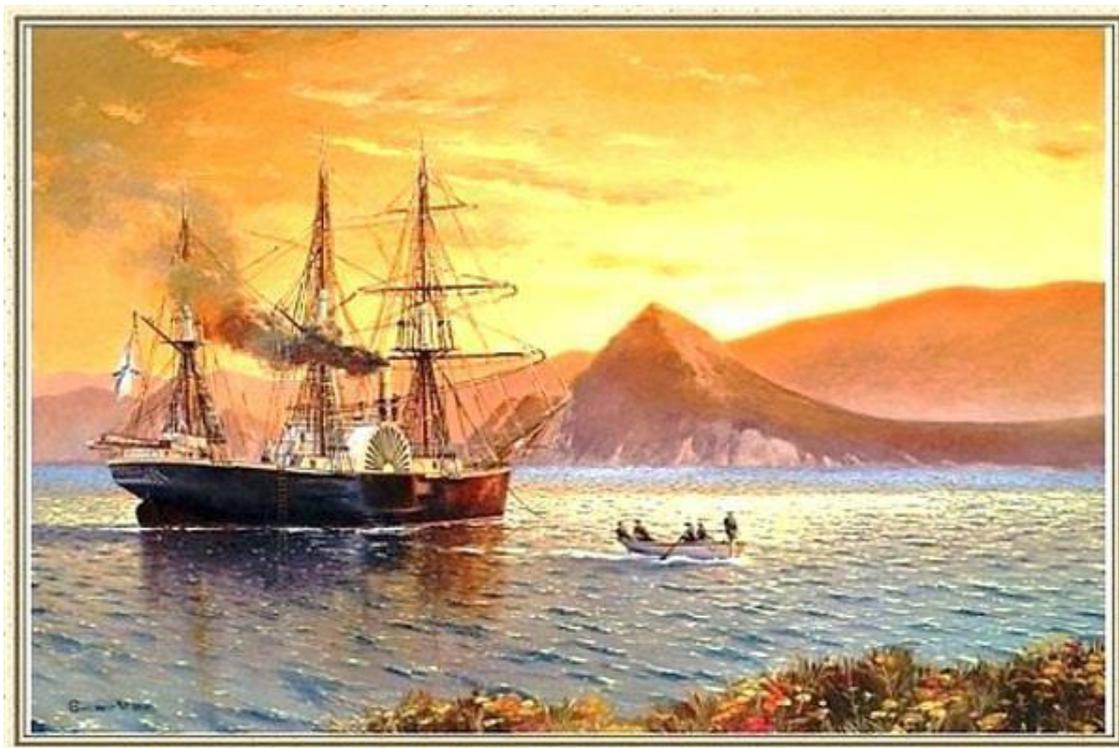
Очень полезна была переписка с профессиональными и доброжелательными сотрудниками псковских музеев, областного и муниципальных. Интересные подробности из биографии А.А. Болтина сообщили его правнучка Лескова Ольга Николаевна и праправнучка Русина Инна Аркадьевна, проживающие в Одессе. Не менее ценные сведения были получены от ветерана и историка пожарного дела Одессы Фёдора Изотовича Литвякова. Всем им и сотрудникам архивов и музеев, оказавших неоценимую помощь в работе над книгой, авторы приносят искреннюю благодарность.

Глава первая

Пароходо-корвет «Америка». Дипломатическая миссия Е.В. Путятина в Китай и Японию

Первым пополнением вновь образованной Сибирской флотилии стал пароходо-корвет «Америка». Построенный в Нью-Йорке на судовой верфи Уэбба, он прекрасно преодолел долгое путешествие через два океана до Николаевска, и за всё время пути его машина не дала ни одного сбоя. В статье, посвящённой пароходо-корвету, журнал «Морской сборник» отмечал: «В заказе его имелось ввиду снабдить юные наши заселения на Амуре пароходом, который бы мог вместе и носить бомбовую артиллерию для боя, буксировать суда против течения Амура и лимана, местами весьма быстрого, и служить грузовым и пассажирским в сношениях с близлежащими портами». Автор не мог не отметить блестящее состояние, в котором привёл судно в Николаевск американский капитан Гудзон: «Америка» бросила якорь на Николаевском рейде, убранная во всём блеске военного судового порядка. Белизна палуб, блеск меди, безукоризненная чистота на борту внутри и снаружи, исправность гребных судов, свежесть мебели в каютах и, наконец, блестящее состояние машины в первый же день прихода обнаружили дух порядка и дисциплины, который бы сделал честь самому исправному военному судну»^[26].

Класс судна определили как колёсный пароходо-корвет, движителями которого были паровая машина и паруса. На Балтике в состав флота во второй половине XIX в. было введено около 20 пароходо-фрегатив^[27]. Использование на них в качестве движителей гребных колёс было первым этапом внедрения паровых котлов и машин в военном судостроении.

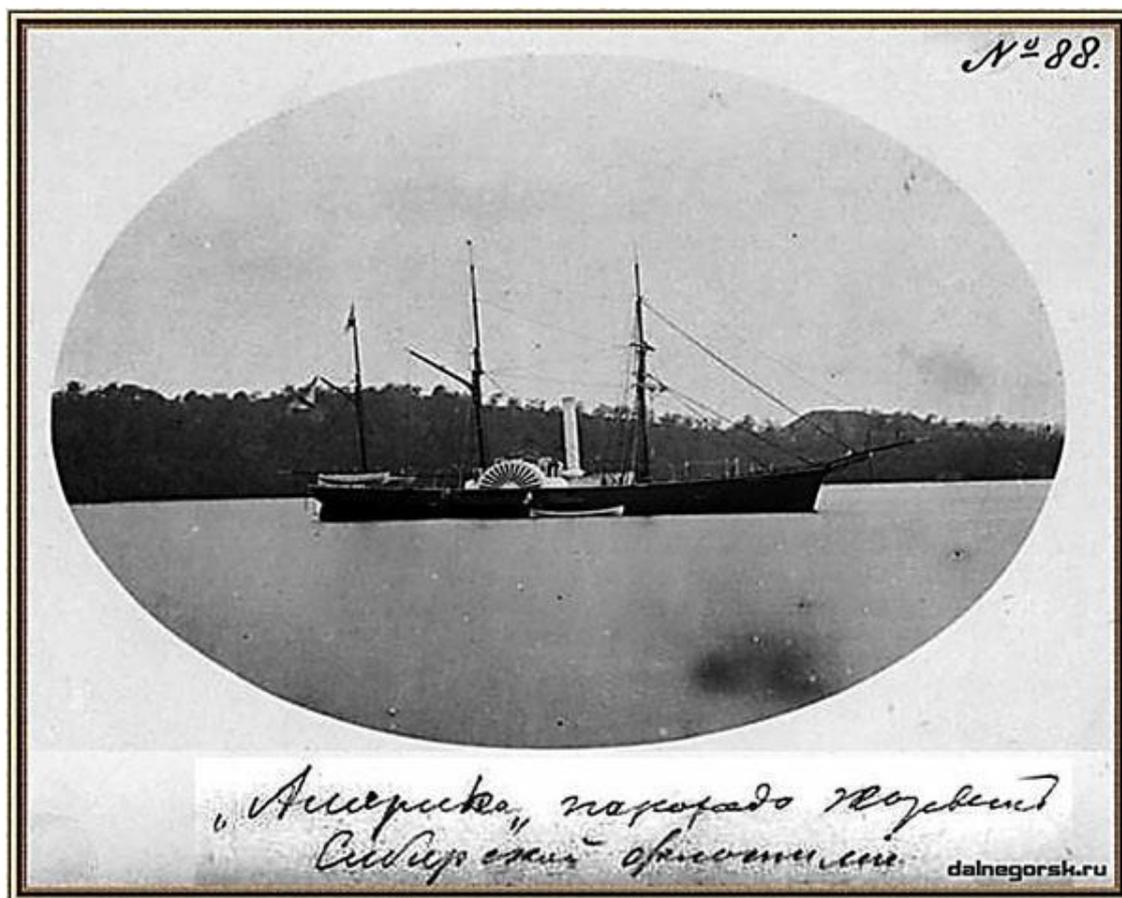

Илл.1 Пароходо-корвет «Америка». Художник В. Шиляев.

Основные характеристики пароходо-корвета «Америка» составляли: водоизмещение 554 т[онн]; длина по верхней палубе 50,3 м[етров]; ширина 8,6 м[етров]; паровая машина мощностью 140 л[ошадиных] с[ил]; скорость хода 9,5 узлов. Вооружение – 8 пушек.

В документах Морского министерства отмечалось: «Стоимость парохода с паровой машиною и расходами на комиссию за обеспечение платежей по контракту и за дела по пароходу, значится по счетам всего 145.650 дол[ларов] 36 [центов]»^[28]. Весь же заказ П.В. Казакевича: «... пароходы: «Америка» и «Амур» и Баржа «Лена»; механическое заведение, морские и хирургические инструменты, книги, карты и прочее, всего, с доставкой судов, запасом и удовлетворением команд порциями и жалованьем, на сумму 335.784 дол. 83 сен., которое на Российскую монету, считая по 1 руб 42½ коп. за доллар с банкирскими расходами, составили 478.439 р. 37 к.»^[29].

Шесть дней ушло на приёмку по описи судна. Его принял, временно ставший первым командиром «Америки», капитан-лейтенант А.Е. Бачманов^[30], старшим офицером пароходо-фрегата назначается капитан-лейтенант А.Н. Шкот^[31], с 1 октября ставший его командиром. Сразу же после оформления акта приёмки корабль ушёл на Сахалин в Дуэ за углём, затем вернулся в Николаевск, где забрал груз и пассажиров и пошёл в Аян.

Илл. 2. Первая фотография пароходо-корвета «Америка». Фото В.В. Ланина.

Вся осень прошла в буксировке разных судов из залива в Амур. На пароходо-корвете прибыл к мысу Лазарева военный губернатор Приморской области контр-адмирал П.В. Казакевич для проводов своего друга и бывшего командира Г.И. Невельского и его сподвижников, убывавших с Дальнего Востока. Так началась служба одного из самых заметных кораб-

лей Сибирской флотилии, отмеченная не только безупречной работой в дальневосточных морях, но и многими вошедшими в историю географическими открытиями.

Плавания парохода-корвета «Америка» в 1857 г. полностью связаны с дипломатическими миссиями вице-адмирала Путятина в Китай и Японию, решением сахалинского вопроса, выдающимися географическими открытиями.

Илл. 3. Евфимий Васильевич Путятин.

В октябре 1856 г. началась Вторая «опиумная» война Великобритании и Франции против Китая, причём военные действия очень часто прерывались долгими мирными переговорами. Е.В. Путятин направил записку великому князю Константину Николаевичу о необходимости теперь же добиться от Китая закрепления за Россией левого берега Амура и Приморья. Он сам вызвался поехать в Китай в качестве полномочного представителя. Константин Николаевич полностью одобрил эти планы и сообщил о них императору и министру иностранных дел А.М. Горчакову. «Письмо твоё к Горчакову о Китайских делах прочёл я также с большим вниманием, – писал в ответном письме Константину Николаевичу Александр II, – и мысль о посылке туда Путятина опробую, но присутствие необходимо для личных объяснений, соображений и наставлений, вот почему я по телеграфу приказал немедленно ему прибыть сюда»^[32]. Путятин прибыл в Петербург, и вопрос об отправке миссии в Китай был решён. В следующем письме Константину Николаевичу император писал: «Сегодня прощался с Путятиным, переговоривши с ним о всех предметах, касающихся до его важного поручения. Дай бог ему успеха, ибо последствия могут быть для нас самые благодетельные. Горчаков сообщит тебе инструкцию, которою он снабжён и которая, как мне кажется, весьма умно и хорошо составлена. Из неё ты усмотришь, что мы стараемся дать его посылке в Китай характер дружественный, в противоположность с неумеренными требованиями англичан и французов. Надеюсь, что с Божьей помощью и ловкостью, доказанной по японскому делу Путятиным, мы добьёмся важнейшего для нас результата, т.е. признания за нами *всего левого берега Амура*»^[33].

Параллельно с Е.В. Путятиным вопросом закрепления за Россией левого берега Амура занимался и генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв. Важным условием успешных действий на Амуре было получение Н.Н. Муравьёвым в январе 1854 г. инструкции, объявлявшей его высшей инстанцией в сношениях с Китаем по вопросу о границе. Это позволяло ему вступать в сношения с китайскими властями, минуя Сенат и МИД^[34].

В письме от 2 апреля 1857 г. контр-адмиралу П.В. Казакевичу генерал-губернатор Н.Н. Муравьёв писал: «Вот и ещё курьер [доедет] к Вам за месяц, любезный друг Пётр Васильевич, и надеюсь, что приедет в Николаевск вслед за льдами, а может быть и по льду, ибо он должен быть в Мариинске около 1 мая. В Петербурге после моего отъезда и вследствие Кантонских происшествий решились послать посольство в Пекин и назначили для этого Графа Путятина, который давно на это высказывался: взяли его из Парижа сюда, он уже за Байкалом, и через несколько дней я буду провожать его за границу.

Илл. 4. Пётр Васильевич Казакевич.

По случаю этого ... я получил от Великого князя письмо, в котором Его Высочество поручает мне [давать] в распоряжение Путятин суды какие он потребует, а Путятин изъявляет желание, чтобы я послал пароход „Америка“ в Печелийский залив. Я уже послал эстафету за Чихачёва, который был подданным Вашим, ещё оставаясь в Петербурге, и надеюсь, что Чихачёв в конце мая будет у Вас. Я полагаю, что едва ли кому-нибудь, кроме него, можно поручить командование „Америкой“. И Путятин вполне одобряет этот выбор. По прибытии сюда я дам Чихачёву все инструкции, наставления, которые сообщит мне Путятин перед отъездом своим за границу относительно прибытия парохода в Печелийский залив и [способа] войти в сношение с посланником, который в то время будет ожидать в Пекине, а между тем прошу Вас снарядить „Америку“ для этого плавания, и в особенности вооружить её приличной артиллерией и полным количеством каменного угля. Путятин надеется, что „Америка“ может выйти из Лимана около 1 июня, и на этом основании рассчитывает время прибытия парохода в Печелийский залив.

Как слепой исполнитель в этом случае, я не вхожу ни в какие рассуждения, как в отношении пользы всего этого посольства, так и плавания „Америки“ к Китайским берегам – желаю только душевно думать, чтоб все эти попытки не испортили Амурского дела. Покуда же это новое Петербургское предприятие останавливает на целый год переселение казаков на Амур, ибо я уже получил повеление отложить это дело до навигации 1858 года»^[35].

Сразу же началась подготовка к плаванию «Америки» с миссией Е.В. Путятин. На Сахалин по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева была направлена команда для заготовки угля для «Америки». Сам Путятин писал военному губернатору Приморской области в мае 1857 г.: «Цель отправления парохода „Америка“ из устья Амура в залив Печели (устье реки Пей-го, или Бай-хэ): – в открытии сообщений с Пекинской миссией, дабы быть ей полезным для сношений с китайскими портами, – в осмотре сведений о двух портах, открытых в последнее время английскими отрядами на берегах Манчжурии, на пространстве 60 миль, к востоку от широты $\frac{1}{2}$ N до 43° , – в наблюдении за действием эскадр английской, французской и американской, которые, по всем вероятностям, придут в устье реки Пей-го, и сообщении сведений о всех предприятиях их нашей Миссии в Пекине. Для успешного исполнения первой из сих статей следует особенно озаботиться снабжением парохода наивозможно большим количеством топлива, стараясь на переходе от Амура к устью Пей-го расходовать оное самым экономическим образом, так как в северных портах Китая если и представится возможность пополнить запас каменного угля, то с большим трудом и за дорогую плату. – И поэтому в предстоящем пароходном плавании должно, при всякой возможности, действовать машиною с растяжкою паров и всегда, коль скоро позволит ветер, ставить паруса»^[36].

Илл. 5. Николай Матвеевич Чихачёв в 1890-годы.

Командиром «Америки» в предстоящем плавании был назначен опытный моряк капитан-лейтенант Н.М. Чихачёв, плававший в эскадре вице-адмирала Е.В. Путятина старшим офицером на корвете «Оливуца», а затем командиром транспорта, а ко времени назначения на «Америку» исполнявший обязанности начальника штаба командира Сибирской флотилии. Старшим офицером на пароходо-корвете был назначен капитан-лейтенант Н.Я. Шкот. Вахтенными начальниками на «Америке» стали лейтенант А.М. Линден, плававший гардемарином на фрегате «Паллада» с Е.В. Путятиным, и поручик корпуса Флотских штурманов А.С. Кузьмин. Был на борту «Америки» ещё один человек, который плавал с Е.В. Путятиным на «Палладе» в Японию. Это виднейший китаевед архимандрит Аввакум (Честной). Проживший много лет в Китае, Аввакум ещё в 1830-е годы, работая в Пекинской миссии, проповедовал православие на китайском языке. В миссии Путятина он следовал как переводчик. Как и во время путешествия на «Палладе», о. Аввакум на пароходо-корвете «Америка» исполнял обязанности корабельного священника. «На пароходе у нас есть церковь, – писал он в одном из писем своему товарищу А.А Трунёву, – и я каждое воскресенье и каждый большой праздник служу обедню»^[37].

Илл. 6. Архимандрит Аввакум (Честной).

В состав миссии входили кроме того врач и переводчик А.А. Татаринов, коллежский асессор Д.А. Пещуров, титулярный советник барон Ф.Р. Остен-Сакен, конной артиллерии капитан Л.Ф. Баллюзек, полевой инженер штабс-капитан И.Ф. Ватовский.

Всего экипаж «Америки» насчитывал 80 человек. Кроме того, на борту находился лейтенант Н.В. Рудановский с командой 15 человек, которому были поставлены задачи, как он сам писал, состоявшие: «1. В осмотре местности для проведения естественной границы между нами и Японией; 2. В осмотре берегов, не имеется ли каменного угля и удобных пристаней по берегу Сахалина; 3. В постройке домов на предполагаемой границе; в сношении с японскими властями, находящимися на Сахалине»^[38].

Илл. 7. Николай Васильевич Рудановский.

1 июля 1857 г. пароходо-корвет «Америка» в сопровождении тендера «Камчадал», которым командовал поручик корпуса флотских штурманов А.М. Чудинов, снялся в рейс. О дальнейшем Е.В. Путятин писал П.В. Казакевичу: «Милостивый государь Пётр Васильевич, возвратясь из залива де-Кастри к мысу Дуи 7-го июля вечером, я взял на буксир шхуну „Камчадал“, нагружившуюся во время отсутствия моего каменным углём, и немедленно отпра-

вился далее. При этом я пошёл вдоль ос. Сахалина для того, чтобы, сколько позволит время, проверить берега его с картою и высадить Лейтенанта Рудановского в предназначенном пункте. Предположения эти я, однако, не мог исполнить: первое, по случаю постоянных туманов, заставивших меня удалиться от острова; второе, за сильным прибоем, воспрепятствовавшим шлюпкам пристать к берегу. Ожидать прекращения прибоёв мне было невозможно, остановка могла продлиться несколько дней. Поэтому я тотчас направился к южной части Манжурского берега; решившись послать Лейтенанта Рудановского на ос. Сахалин уже со шхуной „Камчадал“.

13-го июля поутру после пятидневного плавания, приблизясь к означенному берегу на 44° С.Ш., в 11 часу заметили большую бухту и вошли осмотреть её... Мы первые открыли этот прекрасный порт. По сделанному на берегу определению он оказался лежащим в 43° 55' 15" N широты и 135° 11' долготы. Вход в бухту имеет до 1½ версты ширины, по краю его возвышающийся, обрывистый, каменистый берег. В основании бухты также тянутся крутые горы, покрытые мелким дубняком. Большой рейд открыт и лежит прямо против входа с моря, но два главные залива этого рейда образуют хорошие и безопасные места для укрытия судов.

По случаю наступления дня памяти Св. Владимира, я назвал открытую нами бухту портом Святого Владимира и на одном из заметных мысов поставил дубовый крест. В сделанной на нём латинской надписи сказано, что гавань сия открыта впервые Россией и принята во владение с обозначением наименования и её географического положения...

Граф Е. Путятин, июля 14/26 дня 1857 г.,

пароход „Америка“ в порте Св. Владимира»^[39].

На шлюпке, спущенной с ростров «Америки», офицеры подошли к берегу, сделав необходимые промеры и топографическую съёмку. Новая гавань состояла из нескольких живописных бухт. Их берега составляли склоны прилегающих гор, обрывающихся в море красивыми скалистыми утёсами. Вечером командир «Камчадала» А.М. Чудинов вычертил план гавани порт Св. Владимира, и на карте появились новые названия: полуостров Баллюзек^[40], остров и мыс Ватовского^[41], мыс Кузьмина^[42], полуостров Рудановского^[43].

Суда остались ночевать в новой гавани, накануне уголь с тендера «Камчадал» был перегружен на «Америку» и командам требовался отдых. Путятин перевёл к себе на пароходо-корвет Чудинова, считая, что здесь он будет более полезен как искусный топограф, а вместо него назначил на тендер Кузьмина, снабдив его инструкцией: «Нагрузиться балластом, водой и дровами и следовать к острову Сахалин, где высадить Рудановского с десантом на берег»^[44].

Илл. 8. Залив Владимира в Японском море, бухта Южная. Слева – полуостров Рудановского.

Следующий день был насыщен не менее выдающимися событиями. В полдень 14 июня «Америка» подняла якорь и последовала дальше на юг вдоль живописных берегов, которые, впрочем, были закрыты густой пасмурностью. Погода прояснилась лишь часа за два до захода солнца. И как раз в это время был замечен залив, вход в который закрывал небольшой остров, который обойти с севера не удалось, так как глубина быстро уменьшалась до 4 сажень. Выйдя задним ходом и обогнув остров с юга, «Америка» направилась в открывшийся залив прямо на север. Но наступившие сумерки заставили бросить якорь и дожидаться утра. На следующее утро 15 июля «Америка» начала медленно двигаться, обследуя новый залив, получивший имя Святой Ольги.

Илл. 9. Фотография со спутника залива Св. Ольги.

В «Сведениях о плавании парохода „Америка“ в Восточном Океане с 1 июля по 2 ноября 1957 г.», опубликованных в Морском сборнике, так описано увиденное: «Примыкающая к заливу внутренняя бухта, виденная вечером лишь поверхностно, оказалась, при достаточной глубине в большей её части, столь закрытою от всякого волнения и ветров, что прилично могла быть названа гаванью Тихая пристань. В конце ея, в разлоге между гор, протекает речка с засоренным устьем, не допускающим самые мелкие гребные суда входить в неё. Она орошает плодородную долину, которая, судя по направлению гор, вероятно доходит до самого порта Св. Владимира и служит кратчайшим путём сообщения между им и заливом Св. Ольги. Все горы, окружающие этот последний залив и Тихую пристань его, покрыты лесом, но не строевым. Деревья больших размеров должны находиться несколько внутрь страны, где морские ветры и соляные испарения не имеют вредного на них влияния»^[45]. Целый день продолжалось обследование нового залива и его берегов. А вечером на плане залива Св. Ольги, вычерченном А.М. Чудиновым, появились названия в честь первооткрывателей: мысы Татарина, Остен-Сакена^[46], Шкота, Пещурова^[47], Линдена^[48], Чудинова^[49], река Аввакума^[50]. В честь командира «Америки» Чихачёва^[51] был назван остров.

Илл. 10. Александр Михайлович Линден.

15 июля 1857 г. «Америка» взяла курс на Китай, а 24 июля прибыла к устью реки Пейхо, впадающей в Печелийский залив. Здесь Путятин ждала неудача. Китайцы решительно заявили, что Тяньцзин «не место для переговоров между подданными обеих империй», и предложили провести их в пограничных районах^[52].

Русское правительство дало согласие провести переговоры в Айгуне. В декабре 1857 г. в Пекин было сообщено, что полномочным представителем России на предстоящих переговорах назначен генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев.

Вникнув в ситуацию, Е.В. Путятин пришёл к выводу, что пока не наступил момент для выполнения его миссии. Он решил побывать в Японии и выяснить там, не созрело ли японское правительство для заключения торговых договоров с иностранными державами. 10 сентября 1857 г. он прибыл на пароходо-корвете «Америка» в Нагасаки, а уже 12 октября заключил с японскими уполномоченными Мидзуно Тикути-ноками, Ивасэ Иганокками и Арао Ивами-ноками «Дополнительный трактат» из 28 статей, представляющий правила торговли русских в открытых портах. Трактат 1857 г. считался дополнением к Симодскому трактату. Он значительно расширял права русских на торговлю в открытых портах, но посредничество при торговых сделках японских чиновников оставалось, сохранялся и высокий таможенный тариф на основные предметы экспорта и импорта. 1 марта 1858 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков в письме в Верховный Совет Японии, сообщая о ратификации дополнительного трактата и поручении русскому консулу произвести обмен ратификационными грамотами, выражал уверенность, что это «послужит ещё большему укреплению дружественных отношений между Россией и Японией»^[53].

15 октября «Америка» вышла из Нагасаки в Шанхай, где находилась с 18 по 28 октября в ожидании почты, там же приняла уголь, доставленный гамбургским судном «Оскар». 2 ноября пароходо-корвет прибыл Гонконг, где Путятин обсудил военно-политическую ситуацию с уполномоченными представителями Англии, Франции и США. Зимой пароходо-корвет отсаивался попеременно то в Гонконге, то в Макао, дожидаясь разрешения событий в Китае.

В апреле 1858 г. военные действия Англии и Франции были перенесены в Северный Китай. В мае союзники овладели важными фортами Дату, прикрывавшими вход в устье реки Пейхо, а 14 мая, поднявшись вверх по реке на канонерских лодках, заняли Тяньцзинь.

17 мая английский и французский уполномоченные лорд Д. Элгин и барон Ж. Гро отправились с Печелийского рейда в Тяньцзинь. Вслед за ними на «Америке» следовали Путятин и приглашённый им уполномоченный США Рид. Утром 18 мая «Америка» бросила якорь невдалеке от Императорского канала в предместьях Тяньцзиня. На пароходо-корвете были подняты русский и американский флаги.

Будучи не в состоянии оказать сопротивление англо-французским войскам, цинское правительство пошло на переговоры. Оно обратилось к России с просьбой о посредничестве и согласилось вести с Пуत्याниным переговоры раньше, чем с представителями других держав, надеясь таким образом ограничить домогательства Англии и Франции.

Н.Н. Муравьёв, ведший переговоры с пограничными китайскими властями в Приамурье, 16 (28) мая 1858 г. заключил в г. Айгуне договор, согласно которому левобережье Амура отходило к России, а правый берег от впадения р. Уссури и до моря оставался неразграниченным и признавался находящимся в совместном владении обоих государств до определения границы.

Ещё не зная о подписании Н.Н. Муравьёвым Айгунского договора, Е.В. Путятин 1 (13) июня 1858 г. в Тяньцзине подписал русско-китайское соглашение, вошедшее в историю как Тяньцзинский трактат. Договор состоял из 12 статей. Он подтверждал мир и дружбу между двумя государствами и гарантировал неприкосновенность собственности и личную безопасность русских, живущих в Китае, и китайцев, находящихся в Российской империи. Тяньцзинский договор подтверждал право России направлять посланников в Пекин и предполагал открытие ряда портов Китая для русских судов. Сухопутная торговля разрешалась без каких-либо ограничений относительно числа торговцев, принимающих в них участие, количества товара и используемого капитала.

Относительно границы между двумя странами было решено, что будет проведено исследование на границе доверенными лицами от обоих правительств, и их данные составят

дополнительную статью к Тяньцзинскому трактату. Переговоры двух стран по территориальному разграничению завершились в 1860 г. подписанием Пекинского договора.

Сразу после заключения Тяньцзинского договора с его текстом курьером в Петербург был направлен командир «Америки» капитан-лейтенант Н.М. Чихачёв, а его обязанности временно Е.В. Путятин возложил на лейтенанта А.М. Линдена.

Илл. 11. Иван Семёнович Унковский.

17 июня 1858 г. к устью р. Пейхо в распоряжение Путятина пришёл фрегат «Аскольд» (командир – флигель-адъютант капитан первого ранга И.С. Унковский)^[54]. По

приказанию Путятина старший офицер фрегата «Аскольд» лейтенант А.Н. Розенберг вступил в командование «Америкой». 28 июня пароходо-корвет снялся с якоря и направился в Николаевск с заходом в залив Герен (Амурский) для обследования устья р. Суйфун (Раздольная), а 17 июля «Америка» прибыла в Николаевск.

30 июня 1858 г. вице-адмирал Е.В. Путятин на фрегате «Аскольд» убыл в Японию. И здесь его ожидал новый дипломатический успех. 7 августа 1858 г. в Эдо был подписан русско-японский договор о торговле и мореплавании, действовавший до 1895 г. Статьи Симодского трактата, не противоречащие Эдоскому договору, были оставлены в силе, а объяснительные статьи и дополнительный трактат 1857 г. отменялись.

За исследования, проведенные «Америкой», все участники плавания были награждены и повышены в чинах. Е.В. Путятину «за отлично-усердную службу» вручили орден Св. Александра Невского и присвоили звание адмирала.

Глава вторая

А.А. Болтин – начало пути. Плавание на фрегате «Паллада». 1852–1854 гг.

9 августа 1858 г. новым командиром пароходо-корвета «Америка» был назначен молодой двадцатипятилетний капитан-лейтенант Болтин Александр Арсеньевич. Очередной командир пришёл надолго. На этой должности он плывал восемь лет и именно с его именем связаны все славные дела «Америки»: новые географические открытия, дипломатические миссии в Японию и Китай, снабжение русских военных постов, обслуживание научных экспедиций, выполнение гидрографических работ, проводка судов по Амуру и Амурскому лиману.

А.А. Болтин родился 13 августа 1832 г. в с. Георгиевском Холмского уезда Псковской губернии. В метрической книге Троицкой церкви погоста Даньково за 1832 г. имеется запись № 35 о рождении 13 августа и крещении 20 августа Александра, сына отставного помещика 14 класса села Георгиевского Арсения Александрова Болтина и законной жены его Евлампии Михайловны. Восприемники: отставной флота капитан Михаил Иванов Голенищев-Кутузов и помещица села Мурзино артиллерии поручица Евдокия Андреева Вораксина^[55]. Александр был вторым ребёнком в семье Арсения и Евлампии Болтиных. До этого 1 сентября 1831 г. у них родилась дочь Анна^[56].

Род Болтиных числился одним из самых заметных среди дворянских фамилий. Его истоки восходят ко времени Ивана Калиты, когда к нему на службу перешёл турецкий князь, принял православие и женился на русской. Родившийся у них сын получил прозвище Болт. Внук же стал писаться в документах как Болтин Матвей Михайлович. За шесть веков генеалогическое дерево Болтиных сильно разрослось. Появилось несколько ветвей рода: московская, псковская, нижегородская и другие. Среди Болтиных были воеводы, дипломаты, администраторы. Известно, что один из Болтиных был отправлен Козьмой Мининым к князю Дмитрию Пожарскому призвать того возглавить народное ополчение. Иван Никитич Болтин (1735-1792) известный историк, академик, близкий сподвижник Потёмкина. Жена писателя М.С. Салтыкова-Щедрина происходила из рода Болтиных. Пушкинское имение Болдино когда-то находилось во владении Болтиных.

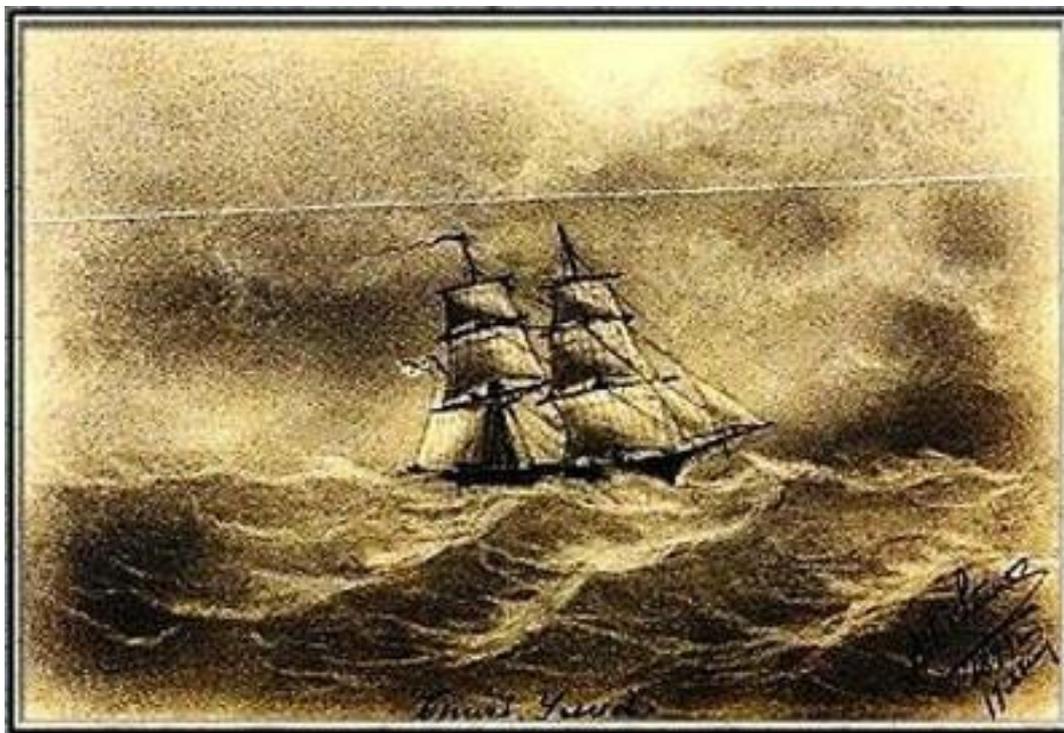
Илл. 12. Руины церкви Троицы Живоначальной (Троицкая церковь) погоста Даньково, ныне в Андреапольском районе Тверской области.

Не менее старинным и известным был род Голенищевых-Кутузовых, из которого вышла мать Александра Евлампия Михайловна Голенищева-Кутузова. Её отец Михаил Иванович, отставной капитан 2 ранга, ставший приемником внука, был младшим сыном известного адмирала И.Л. Голенищева-Кутузова. Среди родственников и по отцовской линии, и по материнской вообще значится много заслуженных мореплавателей.

После Александра у Болтиных родились дочери, в 1835 г. – Софья, в 1836 г. – Серафима, в 1839 г. – Лариса^[57]. Родители Александра были ещё молодыми людьми. Отец, Арсений Александрович, родился в 1806 г., мать в 1808 г. Но в 1841 г. Арсений Александрович неожиданно умирает. Овдовевшая Евлампия Михайловна продала поместье Георгиевское и переехала в соседний Даньковский уезд, где жили многочисленные родственники. Здесь и прошли детские годы будущего мореплавателя.

В конце 1849 года юный Александр Болтин поступил на службу в Балтийский флот^[58]. В некоторых публикациях об А.А. Болтине, авторы которых, как правило, повторяют друг друга, можно прочесть об окончании им Морского кадетского корпуса. Но в послужных списках на вопрос «Где воспитывался», он скромно пишет «При родителях». Архивные документы также свидетельствуют, что Александр Арсеньевич Болтин службу на море начал юнкером^[59]. Звание юнкера флота было введено для пополнения кадров морских офицеров из числа лиц, поступавших на службу добровольцами. Юнкеры числились во флотских экипажах и для производства в офицерский чин обязаны были выдержать испытание по программам специальных классов морского училища. Первые упоминания о «17-ти летнем юнкере А. Болтине, из дворян Российской нации» находим в документах 24-го флотского экипажа, дислоцировавшегося в составе 4-х рот в Кронштадте и Петергофском уезде, под командованием капитана 1-го ранга Алексея Бровцына – «По приказу командира 2-й бригады 3 флотской дивизии 29 декабря прошлого 1849 года поступил на службу в 24 флотский

экипаж юнкер Александр Болтин»^[60]. Поначалу юнкера приписывают к команде фрегата «Паллада», с содержанием «2/3 прапорщичьяго жалования», а 16 мая 1850 г. командируют на бриг «Улисс», который ещё недавно, в 40-х годах, ходил в Средиземноморье под флагом генерал-адмирала Константина Николаевича.

Илл. 13. Бриг Улисс. Рисунок А.А. Болтина. (ЦМ ВМФ. КП.24436. Инв. № 02Р-1861)

Летом 1850 года бриг, под командою капитан-лейтенантов Сущёва и Зеленецкого, совершал «практическое плавание» за границу и по Балтийскому морю. В декабре 1850 г. успешно «окончивший домашние испытания», Александр Болтин предстаёт перед *Особой комиссией Морского ведомства, под председательством вице-адмирала Г.И. фон Платера*, созданной для «экзаменования в науках гг. мичманов старшего офицерского класса и гардемарин старшего отделения». 29-го «генваря», как следует из переписки по Морскому кадетскому корпусу, юнкер Болтин был «проэкзаменован Комиссией в Морском кадетском корпусе», что и стало основанием для следующей послужной записи в *Ведомости о переменах, последовавших в 24-м флотском экипаже в течение генварской трети 1851 г.*: «Прибыло офицеров: по Высочайшему приказу, отданному по флоту в 8 день апреля 1851 г. №1119-й, произведён из юнкеров в мичманы Александр Болтин, который новым чином зачислен в списки и табели по 24-му флотскому экипажу». 26 июня новоиспечённый мичман был откомандирован на бриг «Палинур», под командование капитан-лейтенанта И.К. Гревенса, а 16 сентября 1851 г., по окончании «летней компании», отослан в часть Кронштадта. В декабрьском номере известного журнала «Морской сборник» за 1851 год появилась статья мичмана 24 экипажа А. Болтина «Несколько слов о бриге „Палинур“»^[61]. Она свидетельствовала об отличной подготовке и любви к морскому делу молодого мичмана. По приказу командира 3-й флотской дивизии 24-го экипажа от 18 декабря 1851 г., «мичман Александр Арсеньевич Болтин уволен в домашний отпуск Новгородской губернии в Демьяновский уезд и в Псковскую губернию, в Холмский и Великолужский уезды с 20 декабря, сроком на три месяца». Семья Болтиных имела родовое поместье в Новгородской губернии, «17 наделов и около 200 десятин земли с лесными угодьями».

Как и положено, 20 марта он возвращается в часть под Петергофом. 16 июня подразделение, в составе капитана 2-го ранга Гаврилы Хоматьяно, лейтенанта Андрея Куредова, мичмана Александра Болтина, 19-ти унтер-офицеров, одного музыканта и 210 «матрозов», 78 рекрутов, 12 мастеровых, корпуса морской артиллерии 3-х кондукторов и 2-х вахтёров, – переводят в Кронштадт. Вскоре, по приказу командира 2-й бригады 3-й флотской дивизии 24-го экипажа от 19 июля 1952 г., мичмана Александра Болтина зачисляются на фрегат «Паллада», который готовился к отправке в далёкую «японскую экспедицию вице-адмирала Путятина».

Это стало счастливым шансом в его морской службе. Сам великий князь Константин Николаевич занимался вопросами предстоящей экспедиции. 18 августа 1852 г. директор Морского корпуса генерал-адъютант Глазенап писал: «Его Императорское Высочество шеф Морского Кадетского корпуса повелеть соизволил назначить для кампании на фрегат «Паллада» четырёх лучших гардемарин. Вследствие того имели бы право на это назначение гардемаринны: Алексей Пещуров, Александр Линден, Дмитрий Гамов и... четвёртым гардемаринном назначается князь Сергей Урусов»^[62]. Будучи ровесниками Александра Болтина, за долгие дни и месяцы легендарного плавания они узнают, что такое крепкая морская дружба.

О плавании фрегата «Паллада» в Японию и дипломатической миссии Е.В. Путятина написано немало. Существует обширная научная и художественная литература. Очерки путешествия «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова, ставшие классикой, до сих пор берегут романтические души читателей. Помимо прекрасных описаний увиденного в плавании у И.А. Гончарова замечательно раскрыт мир офицеров кают-компании фрегата «Паллада». Имена офицеров И.С. Унковского, В.А. Римского-Корсакова, К.Н. Посьета, И.И. Бутакова, И.П. Белавенца, П.А. Тихменева, А.А. Колокольцева, о. Аввакума раскрывают способность Е.В. Путятина выбирать талантливых людей, окружать себя людьми с кипучей энергией и разносторонним образованием. Из 22 офицеров и гардемарин, отплывших на «Палладе», 10 закончили службу в адмиральских чинах, трое (Путятин, Посьет и Пещуров) были министрами, пятеро стояли в свите и звании генерал-адъютантов (Путятин, Посьет, Пещуров, Бутаков, Унковский) и т.д. К таким же талантливым офицерам относились и мичманы А.А. Болтин и его товарищ П.А. Зеленой. Оба они неоднократно упоминаются писателем как неунывающие молодые люди, не раз проявлявшие бесстрашие и находчивость в трудные для фрегата минуты.

Композиция книги построена так, что нам необходимо вернуться на несколько лет назад к истории событий на Дальнем Востоке. Провал дипломатической миссии Н.П. Резанова^[63] в Японии в 1804-1805 гг. на время заставил отказаться российские правящие круги от активности в этом регионе. Отечественная война 1812 г., польское восстание 1831 г., вмешательство России в турецко-египетский конфликт 1833 г., восстание на Кавказе, начавшееся в 1834 г., волна революционных движений в Западной Европе – также способствовали инертности дальневосточной политики России. Однако международная ситуация в северо-западной части тихоокеанского региона наталкивала на иные решения. Активизация Англии, Франции, Америки в этой части Тихого океана грозила потерей Камчатки, берегов Амура, Сахалина. В августе 1842 г. было подписано торговое соглашение между Англией и Китаем, которое нанесло серьёзный урон кяхтинской торговле России, так как доставка китайского чая в Европу на английских кораблях оказалась дешевле, чем по суше через Иркутск. Это дало серьёзный толчок правительству к активизации в дальневосточных делах.

В 1843 г. был образован Особый комитет для обсуждения мер к поддержанию кяхтинской торговли. Комитет предложил направить русское посольство в Китай и заключить торговый договор с Китаем, аналогичный заключённому с Великобританией. Е.В. Путятин, член этого комитета, представил докладную записку, в которой предлагал снарядить экспедицию не только в Китай, но и в Японию, а также настаивал на необходимости проверить

утверждения о том, что лиман Амура недоступен для морских судов и что Сахалин – полуостров. Он считал, что следует не тянуть с разрешением этих задач, пока англичане не опередили русских. В заключение контр-адмирал Путятин предложил: «1) хотя нельзя ещё предвидеть, к чему могут привести последние события в Китае, но на всякий случай было бы благоразумно исследовать восточную нашу границу с этим государством. Доселе мы знаем только то, что на всём протяжении восточного берега, начиная от полуострова Сахалина до устья реки Уди, нет ни одного благонадёжного порта; но от сей реки берег, загибающийся по параллели с лишком на три градуса долготы, никем не был исследован. Самый залив между материком и полуостровом Сахалином, в который, как предполагают, впадает река Амур, нам вовсе неизвестен. Северная оконечность полуострова Сахалина хотя и была осмотрена Крузенштерном, но требует, однако, подробного исследования. Отыскание более удобного порта в этих местах, чем Охотск, для сообщения с Камчаткой и нашими американскими колониями уже само по себе не есть предмет бесполезный; а потому можно было бы поручить той же экспедиции осмотреть и описать означенные малоизвестные берега; 2) с плаванием судов в Охотское море не было бы несовместным соединить и новую попытку для открытия сношений с Японией»^[64].

Идею экспедиции в Китай и Японию поддержал Сибирский комитет и подал проект на утверждение Николаю I, который и утвердил его 16 апреля 1843 г. Е.В. Путятину предписывалось «по окончанию дел с Китаем, явиться в один из японских портов по его усмотрению, как посланному от российского правительства, для открытия дружеских отношений с японцами, действовать по обстоятельствам, но иметь ввиду осторожность во всех поступках»^[65]. Однако идея экспедиции встретила активное противодействие министра иностранных дел К.В. Нессельроде^[66] и министра финансов Ф.П. Вронченко^[67]. Им удалось убедить Николая I отложить экспедицию на год, а через некоторое время император предписал отложить её на неопределённое время.

В это же время молодой и энергичный генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв предупреждал правительство об угрозах со стороны Англии русским землям на Дальнем Востоке. Он писал: «В Сибири давно уже носятся слухи о предприятиях Англичан на устье р. Амура и остров Сахалин, и Боже сохрани, если они прежде нас там утвердятся! Для вящего и полного обладания торговлей в Китае, англичанам неоспоримо нужно устье Амура и плавание по этой реке... По соображениям на месте всех известных мне обстоятельств, могу сказать, что кто будет владеть устьями Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, и владеть прочно...»^[68].

Николаю I были представлены ещё два проекта экспедиции в Японию. Первый из них представил в 1844 г. И.Ф. Крузенштерн^[69]. Он предупреждал, что Англия, захватив китайские рынки, может опередить Россию и в Японии. Кроме того, он добавлял, что экспедиция в Японию не потребует больших расходов.

В мае 1850 г. адмирал П.И. Рикорд^[70], хорошо знавший обстановку на Дальнем Востоке, представил Николаю I ещё один проект организации посольства в Японию. Он считал, что торговля с Японией поможет обеспечить продовольствием Дальний Восток и Восточную Сибирь. Свою кандидатуру П.И. Рикорд предлагал в качестве посла^[71].

Однако К.В. Нессельроде и его сторонники убедили Николая I в несвоевременности реализации этих проектов. Возможно, такое положение сохранялось бы ещё долго, но всё изменили открытия Г.И. Невельского, установившего в 1849-1850 гг. судоходность Амура и доказавшие островное положение Сахалина. 1 августа 1850 г. Г.И. Невельской поднял русский флаг на берегах Амура на мысе Куегда, основав там Николаевский военный пост. Он сам отмечал: «1 Августа я достиг мыса Куегда, и здесь, помолясь Господу Богу, в присутствии собравшихся из окрестных деревень гиляков и при салюте из фальконета и ружей, под-

нял русский военный флаг». Гилякам и маньчжурам было передано объявление такого содержания: «От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что, так как побережье этого залива и весь приамурский край, до корейской границы, с островом Сахалин, составляют российские владения, то никакие здесь самовольные распоряжения, а равно и обиды обитающим инородцам, не могут быть допускаемы. Для этого ныне поставлены российские военные посты в заливе Искан и на устье р. Амур. В случае каких-либо нужд или столкновений с инородцами, нижеподписавшийся, посланный от правительства уполномоченным, предлагает обращаться к начальникам этих постов»^[72].

Географические открытия Г.И. Невельского и энергичные действия Н.Н. Муравьева убедили Николая I принять меры к укреплению позиций России на Тихом океане, добиться открытия портов Китая и Японии для русских судов. Причём решающим аргументом стал остров Сахалин, который теперь стал рассматриваться как естественная граница Приморья, ключ к устью Амура и оплот обороны всего Дальнего Востока. Особый комитет по азиатским делам обсудил представленную Министерством иностранных дел «Записку по японским делам» и 7 мая 1852 г. рекомендовал возобновить подготовку экспедиции в Японию во главе с послом вице-адмиралом, генерал-адъютантом Е.В. Путятиным для установления с Японией торговых и дипломатических отношений. «Что касается до лица, на коего возложить сие важное поручение, то Комитет полагал бы избрать генерал-ад. Путятину, – того самого, который был назначен в 1843 г., – как по опытности в морском деле, приобретённой им в двукратном плаваньи кругом света, так и потому, что он тогда же готовился к экспедиции в Китай и Японию и собрал все нужные предварительные о сих странах сведения... Необходимо будет послать с ним разные подарки японскому императору»^[73]. Решение Особого комитета было утверждено Николаем I 18 мая 1852 г.

Министерство иностранных дел подготовило подробную инструкцию для посольства Путятину с указаниями относительно задач экспедиции и методов ведения переговоров в Японии. Особенно подчёркивалась необходимость миролюбивых мер и дружеского тона. Подробная инструкция для Путятину была подготовлена и морским министром А.С. Меншиковым^[74]. Ему поручалось собрать сведения обо всём, что происходит у побережья русских владений в Восточной Азии и западной части Северной Америки. Е.В. Путятину были вручены грамота Николая I японскому императору и письмо К.В. Нессельроде японским властям.

В августе 1852 г. вице-адмирал Е.В. Путятин на частном пароходе выехал в Англию по делам, связанным с подготовкой экспедиции. Во всеподданнейшем отчёте впоследствии он писал: «Первою моею заботою, по прибытии туда (в Англию – В.Л., Г.Д.), было приискание и приобретение винтовой шхуны, которая назначалась в экспедицию для рассылок и других надобностей, что вполне увенчалось желаемым успехом. Новая, имевшая все нужные для дальнего плаванья качества шхуна в 30 сил, названная «Восток», на покупку которой было ассигновано около 50 тысяч рублей, была приобретена в Бристолье за 3375 фун. стерл., а с преобразованием её в военное судно она обошлась в 538- ф., что составит на наши деньги 33547 р. 66 к. Командиром шхуны, по представлению моему, назначен был прибывший на фрегат «Паллада» лейтенант Римский Корсаков^[75].

Для совершенного уравнения фрегата «Паллада» с военными иностранными судами того же ранга я счёл нужным, с разрешения морского начальства, поставить на фрегат четыре бомбовых 68-фунтовых орудия, которые и были приобретены мною, равно как и 60 штуцеров, взятых у двух лучших английских мастеров, Ланкастера и Вильксона. Образцы сих штуцеров тогда же были представлены в С.-Петербург. Сверх того, на моей обязанности лежало

озаботиться в Лондоне покупкою вещей, назначенных в подарок японцам, в дополнение к отпущенным из России на сей предмет вещам.

31-го октября прибыл в Портсмут фрегат «Паллада», вышедший из Кронштадта 7-го числа того же месяца. На нём кроме командира флигель-адъютанта Унковского было 22 человек офицеров и 439 нижних чинов, из коих предназначались на шхуну 6 офицеров и 37 нижних чинов; сверх того прибыли также: архимандрит Александро-Невской лавры Аввакум, хорошо знающий китайский язык, и два чиновника Министерства иностранных дел и финансов; один назначен был для исправления должности переводчика китайского и маньчжурского языков, а другой – для должности секретаря при мне»^[76].

Вот список офицеров и чиновников фрегата «Паллада», участвовавших в дипломатической миссии 1852-1854 гг.

Командир, флигель-адъютант капитан-лейтенант Унковский.

Капитан-лейтенант Посьет.

Лейтенанты: Бутаков, Шихманов, барон Крюндер, Савич, Белавенец, Шварц.

Мичманы: Болтин, Зеленой, Колокольцев.

Корпуса флотских штурманов: штаб-капитаны Халезов и Попов.

Корпуса морской артиллерии капитан Лосев.

Гвардейского экипажа, ластовой полуроты подпоручик Истомин.

Штаб-лекарь Арефьев.

Коллежские асессоры Гошкевич и Гончаров.

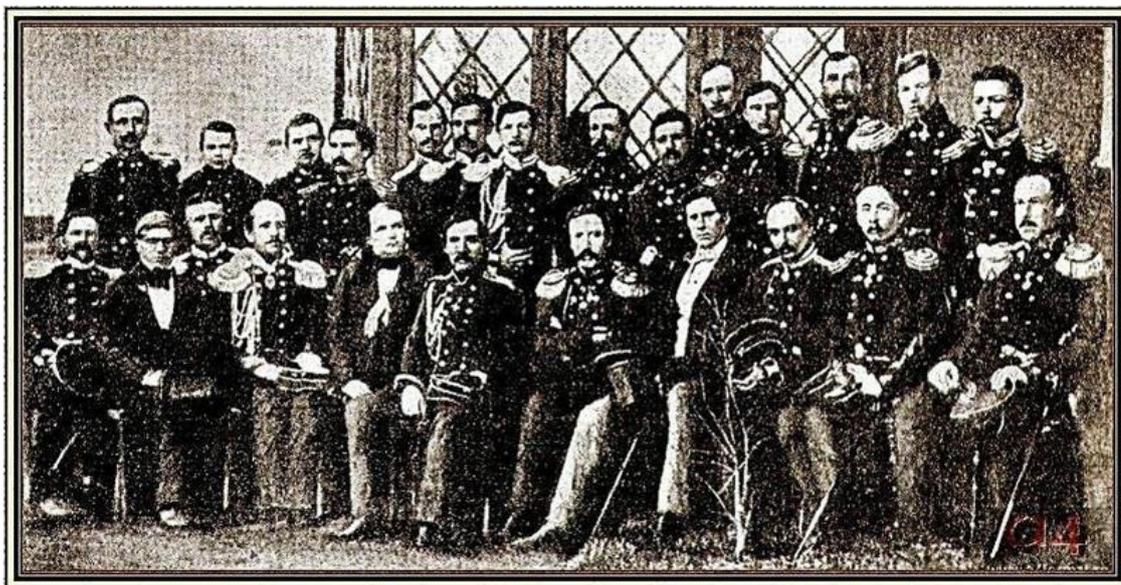
Цейхвахтер Плюшкин.

Юнкер флота Лазарев.

Гардемарины: Пещуров, Гамов, Линден, князь Урусов.

Корпуса флотских штурманов кондуктор Казаков.

Архимандрит Аввакум.

Илл. 14. Офицеры фрегата «Паллада». В центре, шестой слева Е.В. Путятин, четвертый слева И.С. Унковский, пятый слева И.А. Гончаров. В верхнем ряду, первый справа П.А. Зеленой, второй справа А.А. Болтин. С дагерротипа 1852 г.

В Портсмуте фрегату «Паллада» потребовался ремонт. Судно, строго говоря, уже было немолодым и для дальнего плавания не годилось. Выйти в плавание удалось лишь 6 января 1853 г. Так как время было упущено, чтобы идти через мыс Горн, решено было идти в

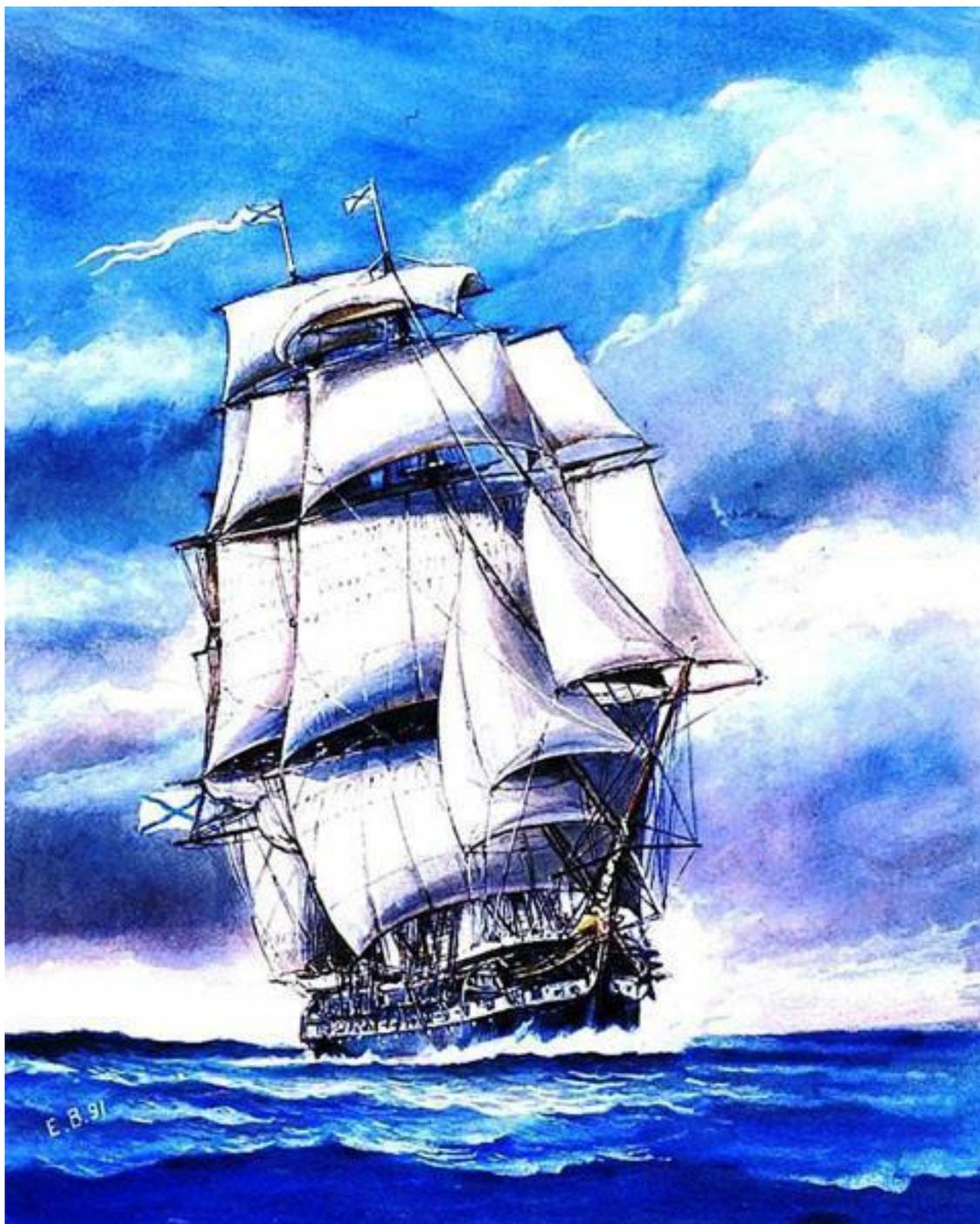
Японию через Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды. Ровный, умеренный ветер сопровождал фрегат до самой южной оконечности Африки. «Паллада» в среднем проходила по 185 миль в сутки и через 78 дней вошла в бухту Симонстаун. Здесь экспедиция провела целый месяц, выполняя работы по подготовке к длительному переходу через Индийский океан. Корпус «Паллады» дал течь, и его пришлось снова конопатить как изнутри, так и снаружи.

«Прекрасный колорит неба, – писал во всеподданнейшем отчёте Е.В. Путятин, – свежий воздух и ясные, тихие, один на другой похожие дни и великолепные ночи – всё это поддерживало в офицерах и нижних чинах бодрость, весёлое состояние духа и охоту к дальнейшему пути.

В воскресные и праздничные дни на фрегате постоянно происходила божественная служба, как здесь, так и далее во всех местах нашего путешествия от Англии до Японии включительно...

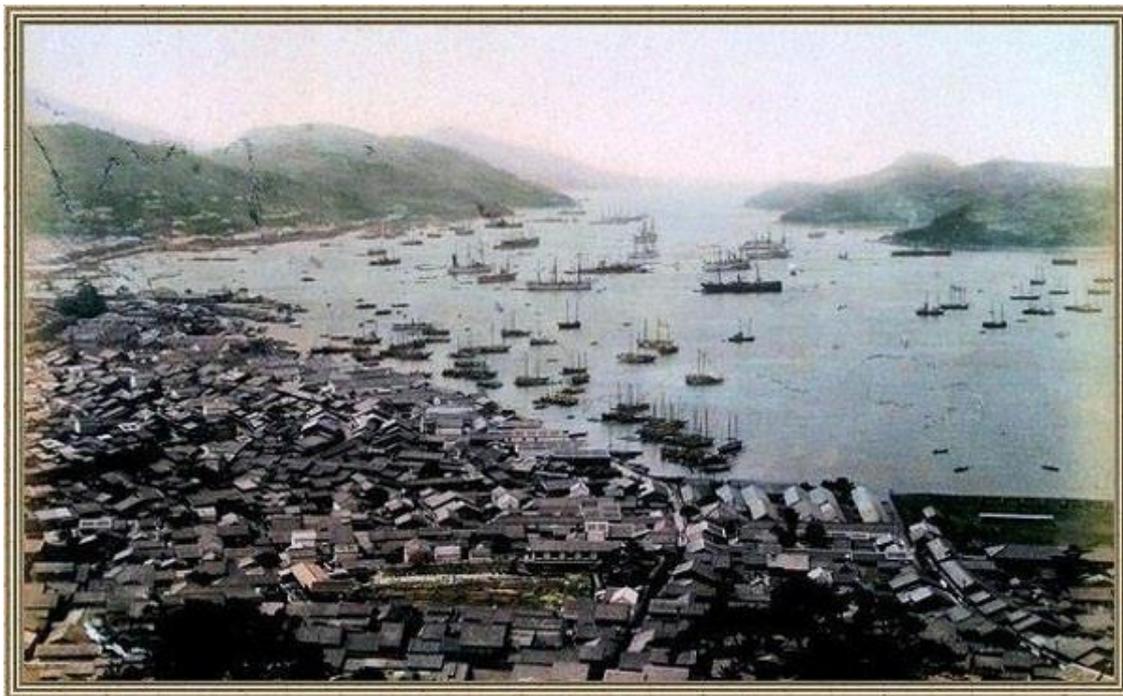
В свободное от службы время офицеры постоянно занимались чтением и переводами разных сочинений по части путешествий, преимущественно же лоций и других, относящихся до морского дела книг, и вообще с великим прилежанием и любознательностью спешили обогатить запасом сведений для дальнейшего пути, а гардемарины, сверх обязанностей службы, делали астрономические наблюдения, имея отличные, купленные в Англии, секстанты, и занимались при содействии офицеров и других участвовавших в экспедиции лиц предметами, входящими в курс, преподаваемый в Морском корпусе. Благодаря щедрости правительства, экспедиция была богато снабжена всеми учёными пособиями: отличными астрономическими и другими инструментами и книгами по всей части знаний. Кроме книг, отпущенных Морских ведомством, моей и общей офицерской библиотеки, офицеры и другие лица запаслись сочинениями, которые каждый считал для себя нужными. Команда, по обыкновению, ежедневно упражнялась в ученье пушками и абордажным оружием»^[77].

12 апреля «Паллада» покинула Симонстаун и направилась к Зондскому проливу. Отойдя всего 200 миль, фрегат попал в жесточайший шторм. Тогда же подтвердилась неблагонадёжность фрегата. Он потёк всеми палубами и струнулись с места многие крепления. Е.В. Путятин решил послать в Петербург курьером лейтенанта Бутакова с просьбой выслать на смену «Палладе» новый фрегат «Диану», спущенный на воду в Архангельске в мае 1852 г.

Илл. 15. Фрегат «Паллада». Художник Е. Войшвилло.

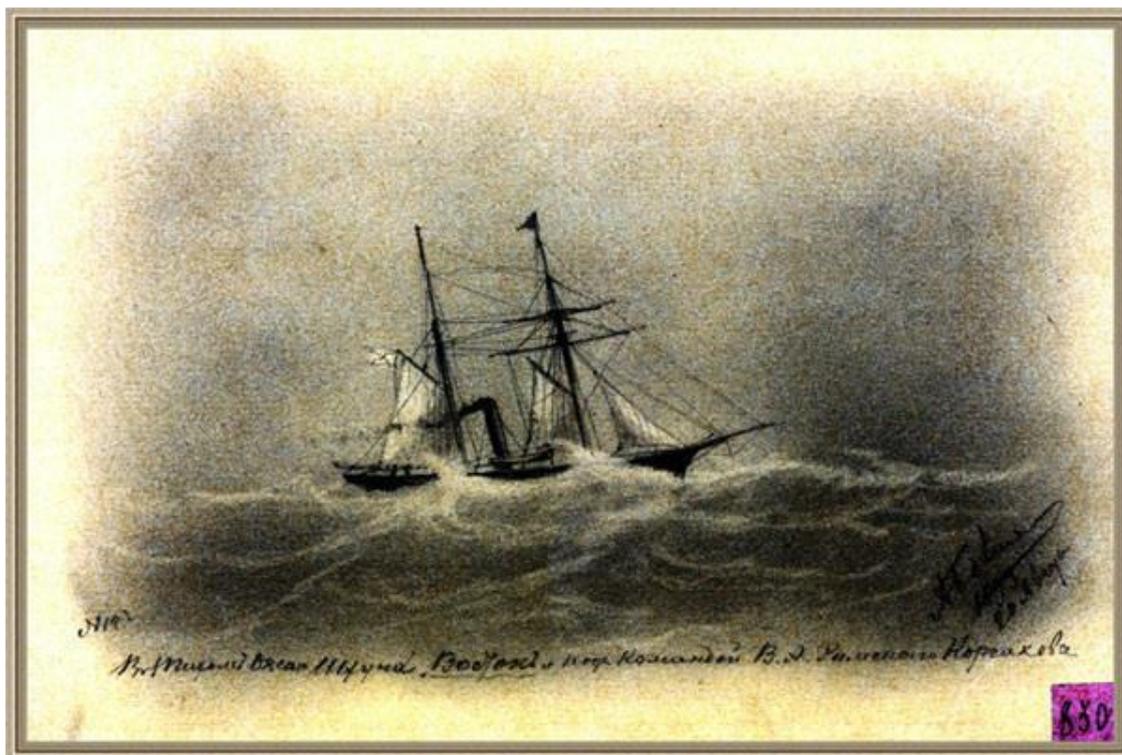
Снова сильнейший шторм испытал «Палладу» 9 июля у острова Батан на границе Филиппинского и Южно-Китайского морей. Он хорошо описан в очерке А.А. Болтина, опубликованном в «Морском сборнике»^[78]. В верхней части судна обнаружилась сильная течь, две помпы постоянно откачивали воду. Обнаружились и другие неполадки. 26 июля «Паллада» вошла в порт Ллойд на острове Пиль. В этом порту собралась вся эскадра Е.В. Путятина: шхуна «Восток», корвет «Оливуца», транспорт «Князь Меншиков». Здесь были исправлены повреждения на «Палладе», и 4 августа отряд Путятина покинул порт Ллойд, а через 6 дней суда бросили якорь уже в Японии в порту Нагасаки.

Илл. 16. Бухта Нагасаки в середине XIX века.

Ещё за несколько миль до Нагасацкого порта навстречу русской эскадре были высланы чиновники, и с этого момента началось многомесечное общение с японскими представителями. Как писал во Всеподданнейшем отчёте Е.В. Путятин: «С этого начались и не прекращались наши живые ежедневные сношения с Японцами, причём они употребляли всю изворотливость и хитрость, свойственные их характеру, чтобы удержать за собой старинные права и обычаи, установленные ими в сношениях с иностранцами... В дальнейших сношениях они потеряли надежды разными проволочками и затруднениями, которые старались делать на каждом шагу (например, в отведении места на берегу), отбить у нас охоту обращаться к ним с какими-либо требованиями и по-прежнему желали оставаться чуждыми миру. Они полагали, что, утомив наше терпение, успеют заставить нас отказаться совсем от намерения завязать с ними дела, или по крайней мере отложить последние на неопределённое время»^[79].

13 августа Е.В. Путятин вручил японским чиновникам письмо канцлера К.В. Несельроде губернатору Нагасаки Осава Ситецу Бунго-но-ками. Губернатор отказался принять письмо для Верховного совета, но послал нарочного в столицу. Незадолго до этого Верховный совет принял письмо от командира американской экспедиции М.К. Перри^[80], поэтому отказать России в подобной же просьбе японцы уже не могли.

Илл. 17. Шхуна «Восток» в Тихом океане. Рисунок А.А. Болтина. (ЦМ ВМФ. КП.24445. Инв. № 02Р-1862)

В ожидании ответа 18 августа Е.В. Путятин отправил шхуну «Восток» на Сахалин. Впоследствии командир шхуны В.А. Римский-Корсаков вспоминал: «В августе месяце 1853 г. Адмирал отправил меня на шхуне с различными поручениями в Татарский пролив и к устью Амура. В данной мне по этому предмету инструкции предписывалось, между прочим: осмотреть западный берег Сахалина, сделать съёмку той части его, которую не успел описать Лаперуз, поискать там бухт или якорных мест, разведать о японских селениях на острове и месторождении каменного угля, признаки которых открыты были Лейтенантом Бошняком в предыдущем году»^[81].

В.А. Римский-Корсаков возвратился в Нагасаки 3 ноября, а уже 6 ноября Е.В. Путятин, не дождавшись ответа от японцев, направляет в Верховный совет собственное послание. Узнав от Римского-Корсакова об основании на Сахалине Муравьевского поста, он писал: «На Сахалине живут только туземцы, которые в культурном, торговом и ином плане являются очень отсталыми. Все они находятся под покровительством России. 3 месяца назад российский император издал указ, по которому Сахалин объявлялся российской землёй, поэтому туда были направлены войска. Японцы, если и приезжают на Сахалин для ведения рыбных промыслов и торговли, то лишь на крайний его юг в залив Анива на короткий срок. Из всего того, что утверждает японская сторона, мы можем признать только этот факт. Если японцы в дальнейшем будут жить на побережье залива Анива, то они, как и российские подданные, будут находиться под покровительством российского государства»^[82]. Этим ещё до начала переговоров Путятин подчеркнул российскую принадлежность Сахалина. В своём письме он вносил предложение по пограничному размежеванию: на Курильских островах провести границу между Кунаширом и Итурупом, оставив за Россией Итуруп, а на Сахалине провести границу по проливу Лаперуза, оставив Сахалин за Россией. Путятин просил также открыть для русских порт Хакодате и какой-либо другой недалеко от Эдо.

Илл. 18. Фрегат «Паллада» во время урагана. Рисунок А.А. Болтина. (ЦМ ВМФ. КП № 24435. Инв. № 02Р-1860).

11 ноября Е.В. Путятин отплыл из Нагасаки в Шанхай, предупредив губернатора, что, если к его возвращению не будет уполномоченных для переговоров, он со всей эскадрой будет вынужден отправиться в Эдо.

Произведя ремонт судов и пополнив запасы провизии в Шанхае, 23 декабря эскадра вернулась в Нагасаки. 27 декабря наконец прибыли уполномоченные. Это были правительственные чиновники Цуцуи и Кавадзи. После согласования церемониала, 31 декабря 1853 г. состоялся первый визит к ним Е.В. Путятину.

Эту церемонию Путятин подробно описал в своём донесении: «Для отличия визита моего к полномочным от посещения к губернатору, который гораздо ниже их по значению, я поехал к первым в сопровождении двойного против прежнего караула, состоящего из 50 человек, кроме музыкантов, и почти со всеми военными и находящимися при мне гражданскими лицами, исключая оставшихся на судах по обязанностям службы около 30 человек. Мы ехали на девяти шлюпках, которые растянулись почти на милю. Впереди ехал на гичке офицер, назначенный для размещения караула и музыкантов на берегу, потом баркас с караулом, за ним катер с музыкантами, следующий со служителями, которые несли наши стулья, далее я со свитой и в остальных шлюпках офицеры с других судов отряда. Едва мы отвалили от борта и флаг перенесён был на катер, как фрегат расцвелся флагами, люди стали на реях и проводили нас троекратным ура. С фрегата и корвета сделано было положенное число пушечных выстрелов»^[83].

Ещё более ярко описана эта церемония инженер-механиком шхуны «Восток» И.И. Зарубиным в письме, опубликованном в «Морском сборнике»^[84]. Следует добавить, что в свите Е.В. Путятину на этой церемонии был и мичман А.А. Болтин.

Торжество моменту постарались придать и уполномоченные. Е.В. Путятин отмечал: «Японцы приняли меня в самых нарядных одеждах, о которых дают верное понятие гравюры, приложенные к сочинению о Японии Зибольда^[85], на пристани и у дома, где прохо-

дило свидание, расставлены были солдаты, не имеющие, по наружному виду, ничего общего с тем, что мы привыкли понимать под этим именем.

В помощь двум главным полномочным присланы были ещё два сановника и значительная свита, по-видимому для того, чтобы придать более важности делу, ибо в самых переговорах участвовало только два главных лица»^[86].

Два первых свидания, 31 декабря 1853 г. и 3 января 1854 г. прошли в размене учтивостей и «изъявлениях дружбы». Японцы ссылались на то, что по обычаям их страны первые свидания должны ограничиваться личными знакомствами. Ещё состоялось восемь встреч (4, 6, 8, 10, 12, 14, 20, 23 января). 4 января Путятину был вручён ответ Верховного совета, который был датирован 3 ноября 1853 г., на письмо К.В. Нессельроде.

Илл. 19. Музыканты из караула Е.В. Путятин в Нагасаки. С японского свитка.

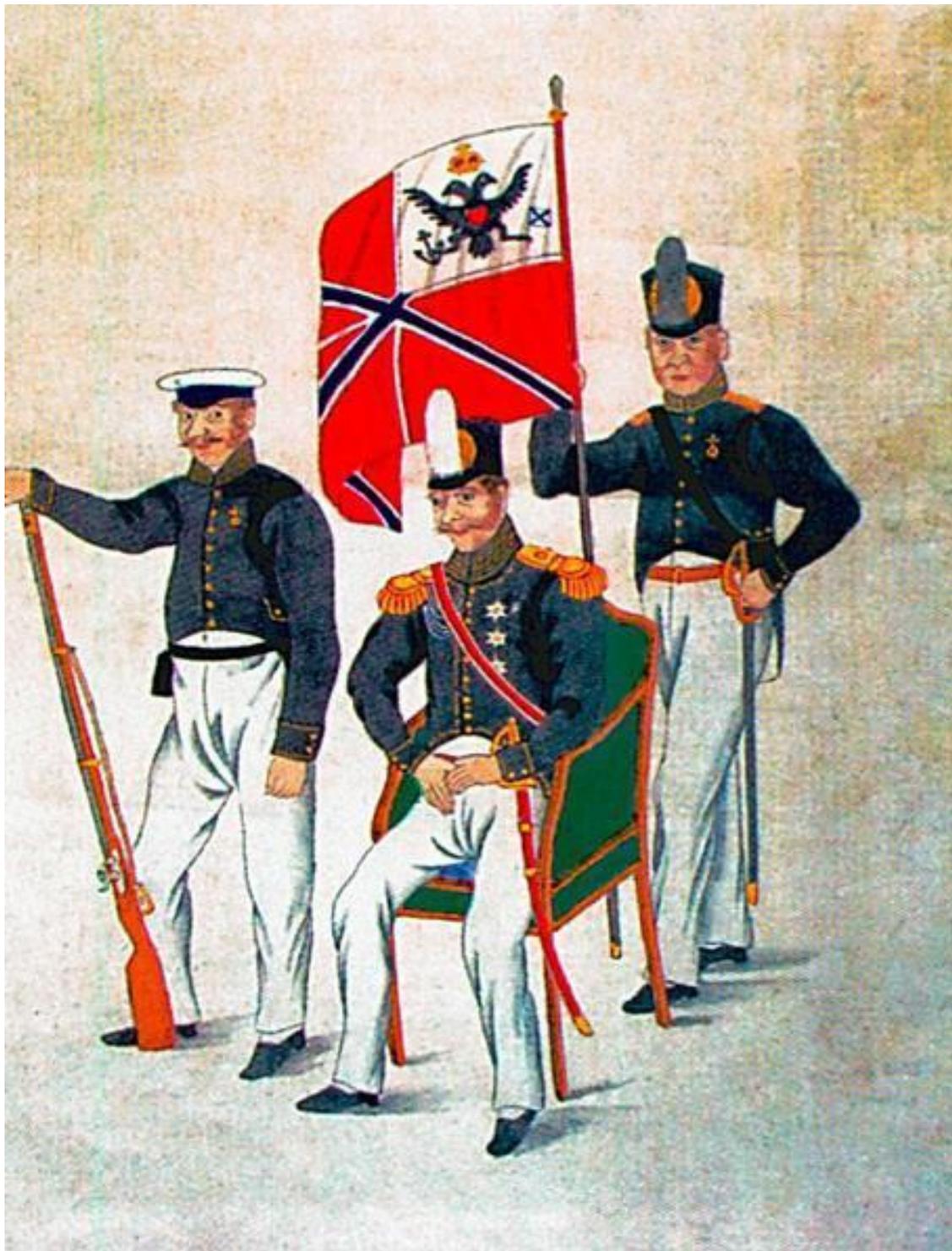
В нём японская сторона соглашалась обсудить вопрос о границах, но только после детального изучения карт и документов о Курильских островах и Сахалине.

Стало ясно, что японская сторона не владеет информацией о Сахалине. Для её сбора правительством (бакуфу) были посланы на остров его чиновники – Хори Орибэ и Мурагами Ёсанро.

Тормозилось и решение об установлении торговых отношений. На замечание Путятин о медлительности японцев в решении этого вопроса они отвечали: «Торговля у нас дело новое (внешняя торговля – В.Л. и Г.Д.), не созрелое: надо думать, как, где, чем торговать. Девицу отдают замуж, когда она вырастет: торговля у нас ещё не выросла»^[87].

В ходе переговоров был затронут вопрос об открытии портов, однако, по мнению уполномоченных, решение этого вопроса также требует не менее трёх – пяти лет. 16 января Е.В. Путятин передал уполномоченным проект договора о пограничном регулировании, не настаивая на разрешении вопроса о торговле. Всё же 23 января японские уполномоченные в пись-

менной форме дали обещание предоставить России право торговли и «другие преимущества», если таковые будут даны другим государствам.

Илл. 20. Вице-адмирал Е.В. Путятин с ассистентами. С японского свитка.

Илл. 21. Вице-адмирал Е.В. Путятин. С японского свитка.

23 января Е.В. Путятин нанёс японским уполномоченным прощальный визит и получил от них письменное подтверждение права наибольшего благоприятствования: «1. Когда, впоследствии, правительство японское откроет порты для торговли, тогда Россия будет допущена раньше к этой торговле, чем какая-либо другая нация. 2. Если бы впоследствии Япония открыла торговлю для других наций, то, в уважении соседства, все права и пре-

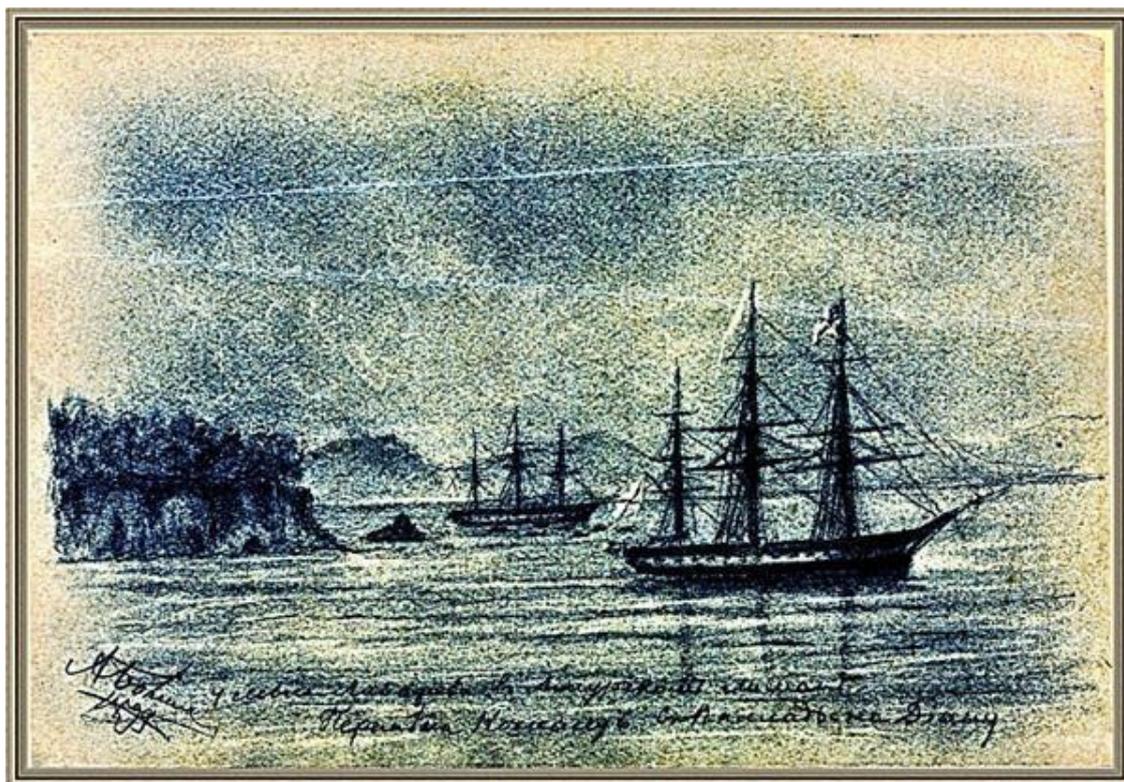
имущества, как торговые, так и всякого другого рода, которые будут предоставлены другим нациям сверх данных России, в то же время будут распространены и на русских подданных»^[88].

В своём отчёте Путятин писал: «... мы отложили переговоры о границах до нового свидания в заливе Анива, куда Полномочные и я намеревались прибыть в начале весны»^[89].

Ещё раз зайдя в Нагасаки после плавания в Манилу, Путятин оставил губернатору для передачи японским уполномоченным бумагу, в которой подтверждалось свидание в Аниве. 14 апреля 1854 г. фрегат «Паллада» взял курс на Татарский пролив.

Следуя на расстоянии от 0,5 до 4 миль от берега азиатского материка, экипаж фрегата под руководством Путятина успешно провёл опись юго-восточного и восточного побережий Кореи и Южно-Уссурийского края. При этом были исправлены многочисленные ошибки на прежних картах. Оказалось, что мичман А. Болтин прекрасно рисует, и он существенно помог в топографической съёмке. Так на карте Японского моря появились русские названия: порт Лазарева (ныне Йонхын), **мыс Болтина (Мусудан)** (выделено нами – В.Л., Г.Д.), мыс Пещурова (Чанадэдан), бухта Унковского (Йонилман), острова Римского-Корсакова. 9 мая фрегат оставил за собой пограничную с Кореей реку Тюмень-Ула (ныне Туманная). Целый день ушёл на составления описания и промер реки, оказавшейся широкой с удобным судоходным фарватером. Сам Е.В. Путятин с несколькими офицерами поднялся на шлюпке по реке Туманной, осматривая её окрестности. Берег повернул резко на запад и вдруг открылся неизвестный большой залив. Ему Е.В. Путятин дал имя Посьета (по фамилии старшего офицера фрегата)^[90]. Так была открыта одна из лучших дальневосточных гаваней. Дальнейшие исследования пришлось прервать из-за густого тумана, который не рассеивался до самого прихода фрегата в Императорскую гавань 22 мая.

В это же время было получено сообщение о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией. На Дальнем Востоке началась подготовка к военным действиям. В залив Де-Кастри прибыл фрегат «Диана», присланный из Кронштадта на смену одряхлевшей «Палладе». Часть команды «Паллады» была переведена на «Диану» и 3 октября Е.В. Путятин на новом фрегате отправился в Японию.

Илл. 22. Перемена команд с фрегата «Паллада» на фрегат «Диана» в Амурском лимане у мыса Лазарева. Рисунок А.А. Болтина. (ЦМ ВМФ. КП № 24434. Инв. № 023-1859)

Мичмана А. Болтина также перевели на «Диану», но незадолго до выхода в Японию он получил назначение на должность старшего офицера на фрегат «Аврора» и находился в Николаевске при постройке береговых батарей. 4 ноября 1854 г. он произведён в лейтенанты, а уже через три месяца, 9 февраля в капитан-лейтенанты^[91], что по меркам того времени означало большое поощрение. В 1856 и 1857 гг., командуя транспортом «Иртыш», плавал между Николаевском и Аяном, после чего командовал пароходом «Амур» на р. Амур.

3 октября 1854 г. на фрегате «Диана» Е.В. Путятин снова отправился в Японию. За это время произошло много событий. Объединённая англо-французская эскадра попыталась взять Петропавловск, имея четырёхкратное превосходство над защитниками города. Сражение длилось неделю, героически сражавшимся русским солдатам и офицерам удалось отбить все атаки неприятеля. В Японии был подписан японо-американский «Договор о мире и дружбе», вслед за ним был подписан и англо-японский договор, аналогичный договору с американцами.

Илл. 23. Храм Гёкусэндзи, в котором 26 сентября 1855 г. был подписан Симодский трактат о торговле и границах, заключённый между Японией и Россией. Фото А.А. Хисамутдинова.

26 января (7 февраля) 1855 г. в г. Симодэ в буддийском храме Гёкусэндзи был подписан первый русско-японский трактат. Между Россией и Японией устанавливались дипломатические отношения. Граница на Курильских островах устанавливалась между Урупом и Итурупом. Для русских судов открывались порты Хакодате, Нагасаки, Симода, в которых допускались торговые сделки русских, но в ограниченных размерах и под контролем японских чиновников. Было разрешено с 1856 г. пребывание русского консула в одном из открытых портов и предоставление русским право экстерриториальности. Россия получала право наибольшего благоприятствования. Вопрос о принадлежности Сахалина решили отложить на будущее.

Общим мнением русского правительства и общественности явилось признание важности и значимости заключённого договора для будущего России. После возвращения из Японии Е.В. Путятин сразу же отбыл в Петербург, где его ждал с подробным докладом о проделанной работе новый император Александр II (Николай I скончался 18 февраля 1855 г.). Миссия в Японию была высоко оценена, Путятин был удостоен графского титула и двойного жалования. Как признанный специалист по Японии Е.В. Путятин ещё трижды побывал в этой стране с дипломатическими поручениями в период с 1857 г. по 1858 г., о чём у нас повествуется в главе первой.

Глава третья

«Америка» под флагом губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского

О начале службы А.А. Болтина на пароходо-корвете «Америка» в его «Формулярном списке о службе и достоинстве» записано: «В 1858 году на пароходе корвете „Америка“ сам Командиром с 10 по 17 Сентября на якоре в Николаевском порте, с 17 по 19-е Сентября снялся с якоря и отправился в залив с Консульством в Японию... 25 сентября на якоре в заливе Де Кастри, 25 Сентября снялся с якоря и отправился к мысу Дуэ на О-ве Сахалин»^[92]. Всё время до окончания навигации в 1858 г. у «Америки» прошло в плавании по Амурскому лиману. Запомнилось снятие с мели коммерческого американского судна «Мелита». Несколько дней прошли в бесплодных усилиях, и только 12 октября удалось стянуть американское судно на глубину и затем отвести его до мыса Донаури. Сам А.А. Болтин подробно описывает плавание «Америки» за этот период в рапорте, который был опубликован в «Морском сборнике»^[93]. В частности, он докладывал: «По приходе в Де-Кастри г. Гошкевич объявил мне, что по неимению достаточного количества топлива на пароходе и позднему осеннему времени он, во исполнение приказа военного губернатора Приморской области о возможно-скорейшем возвращении „Америки“, решил отправиться к месту своего назначения на клипере „Джигит“...»^[94]. Всё это была обычная рутинная работа, но в 1859 г., ставшим знаменательным для пароходо-корвета, «Америка» совершила воистину уникальное плавание, прославившее и пароход, и его участников.

7 июня 1859 г. в заливе Де Кастри на пароходо-корвете «Америка» взвился флаг генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского. Чтобы разобраться в причинах этого события необходимо вернуться к событиям на Дальнем Востоке немного назад.

16(28) мая 1858 г. был подписан Айгунский договор между Российской империей и цинским Китаем, который установил русско-китайскую границу по реке Амур. Это стало прорывом в русско-китайских отношениях и большой дипломатической победой России. Заслуга в подписании этого договора принадлежит прежде всего генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву, министру иностранных дел А.М. Горчакову, сотрудникам министерства: директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому^[95] и статскому советнику министерства П.Н. Перовскому^[96]. Договор фактически пересматривал ранее подписанный Нерчинский договор 1689 г. Стороны соглашались на то что, что левый берег Амура от реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения Усури в Амур до моря оставался в общем владении впредь до определения границы.

Воодушевлённый успехом с Айгунским договором Н.Н. Муравьёв был уверен, что ему удастся решить и Сахалинский вопрос, который, по его мнению, являлся продолжением вопроса Амурского. Он задействовал все свои петербургские связи, чтобы быть назначенным главой дипломатической миссии в Японию. 3 декабря Александр II созвал заседание Амурского комитета, на котором этот вопрос был решён. В письме Великому князю Константину Николаевичу император писал: «Присутствием здесь его (Е.В. Путятин – **В.Л. и Г.Д.**) и генерал-майора Корсакова я воспользовался и собрал у себя Амурский комитет. В нём решили мы главные основания будущих действий наших относительно Китая и Японии, т.е. насчёт острова Сахалин... Говоря об Амурском комитете, я забыл упомянуть об острове Сахалин, насчёт которого мысли Путятин не сходятся с Муравьёвым.

Илл. 24. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский.

Я, однако, предоставил сему последнему, как ближайшему соседу, действовать по его усмотрению, не вдаваясь, разумеется, в военные предприятия против Японии. При его разумной деятельности надеюсь, что мы достигнем того, чего желаем, т.е. если не приобре-

тения всего острова, то, по крайней мере, северо-западной его части, где находятся главные угольные копи, столь для нас полезные»^[97].

О решении послать его в Японию Н.Н. Муравьеву сообщил А.М. Горчаков. В ответном письме Муравьев не скрывал удовлетворения: «Почтеннейшее отношение вашего сиятельства, в котором вы изволили объявить мне Высочайшую волю Государя Императора о переговорах с Японию, я имел честь получить сегодня и приемлю смелость покорнейше просить доложить Его Величеству, что я употреблю все мои способы, чтобы оправдать лестное доверие, мне вновь оказываемое, но что я никогда и не думал прибегать к понудительным мерам, а, напротив, считаю необходимым сколь возможно внушить, как в Японии, так и в Китае доверие к нашему дружескому расположению»^[98].

Началась подготовка к выполнению ответственной миссии. Н.Н. Муравьев решил поразить японцев мощью своей эскадры. Нужно отметить, что несмотря на большие трудности Сибирская флотилия крепла. В Николаевске были построены мастерские и два крытых эллинга для сборки, постройки и ремонта судов. В этот же период на Дальний Восток было направлено несколько кораблей с Балтийского моря. Первой из Кронштадта 7 сентября 1857 г. под командованием капитана 1-го ранга Д.И. Кузнецова вышла эскадра в составе корветов «Воевода», «Новик», «Боярин» и клиперов «Пластун», «Джигит», «Стрелок». Вскоре за ними отправился фрегат «Аскольд». А 24 июля 1858 г. на Дальний Восток взяли курс корветы «Рында», «Гридень» и клипер «Опричник» под командованием капитана 1-го ранга А.А. Попова. Затем в Тихий океан прибыли фрегат «Светлана», корвет «Посадник», клиперы «Разбойник» и «Наездник». Их присутствие у берегов Приморья и Приамурья обеспечивало безопасность этих земель, содействовало упрочению России на Тихом океане.

Муравьев писал Великому князю Константину Николаевичу: «Для успешного исполнения этого поручения я намерен отправиться из Николаевска с эскадрой по возможности многочисленной...»^[99]. Эскадра собралась довольно внушительная: фрегат «Аскольд», корветы «Рында», «Гридень», «Новик», «Воевода», клиперы «Пластун» и «Джигит», пароходо-корвет «Америка», на котором располагался генерал-губернатор. По пути к отряду присоединился корвет «Боярин», транспорты «Японец» и «Манджур».

Готовясь к поездке в Японию, Н.Н. Муравьев приказал полковнику Н.В. Буссе, начальнику штаба войск Восточной Сибири, подготовить для него докладную записку по Сахалину. Уже в мае 1858 г. Буссе представил на рассмотрение документ под названием «Относительно разграничения острова Сахалин». Буссе отмечал, что «при занятии острова Сахалин представляются для русского правительства две главные цели: а) пользование находящимися на оном богатыми каменноугольными копиями; б) установить такую границу между русскими и японскими заселениями, чтобы никакая иностранная держава не имела возможности объявить свои притязания на какой-либо выгодный и удобный для занятия пункт между сказанными владениями»^[100]. Обращая внимание на то, что японцев интересует только западная часть юга Сахалина, он предложил провести границу по реке Кусунай до её истока и далее по хребту до залива Анива.

Однако у Н.Н. Муравьева было собственное мнение относительно границы с Японией, отличавшееся от мнений и Е.В. Путятин, и Н.В. Буссе. Он считал, что для обеспечения безопасности как России, так и Японии весь остров должен был быть признан российской территорией. Японцам предоставлялось бы право свободного рыболовства в заливе Анива под защитой российских властей. Российские военные укрепления обеспечивали бы свободное плавание судов через пролив Лаперуза – единственный выход из устья Амура в Тихий океан.

О своих планах Н.Н. Муравьев-Амурский писал 2 мая 1859 г. великому князю Константину Николаевичу: «Главнейшие предметы этого плаванья моего будут: предъявить в Хакодате моё уполномочие на переговоры; в Суйфунском заливе встретить обер-квартир-

мейстера Будогосского, который предлагает сухопутную границу между вершинами реки Уссури и морем; свезти карты наших новых границ в Печелийский залив, где передать в Пекин для утверждения, через нашего уполномоченного. Из Печелийского залива я должен возвратиться для переговоров в Японию...»^[101].

В шканечном журнале «Америки» перечислены офицеры, отправившиеся в рейс с генерал-губернатором в Японию и Китай:

«Командир

27-го флотского экипажа капитан-лейтенант Александр Арсеньевич Болтин, прибыл 12 мая из Николаевска; 21 октября кончил компанию в Николаевске; 116 дней, 4 месяца 10 дней.

Старший офицер

27 флотского экипажа Пётр Леонтьевич Овсянников

Вахтенные начальники:

27 флотского экипажа мичман Николай Фёдорович Бенкович; прибыл 12 мая из Николаевска, убыл 7 октября на корвет «Рында»; 108 дней, 3 месяца, 27,5 дней.

Подпоручики:

Корпуса Штурманов Яков Тимофеевич Астафьев 1-й, прибыл 12 мая из Николаевска; 21 октября кончил компанию в Николаевске; 116 дней, 4 месяца, 10 дней.

Корпуса Штурманов Николай Осипович Красильников, прибыл 30 мая со шхуны «Пурга», 22 сентября за болезнью убыл в Николаевск; 103 дня, 3 месяца, 20,5 дней;

27 флотского экипажа

Мичман Владимир Петрович Невельской, прибыл с транспорта «Манджур» 3 октября, 21 убыл в Николаевск; 13 дней.

Лейтенант Михайло Александрович Усов, прибыл 14 июня с клипера «Джигит» и убыл на транспорт «Манджур» 24 июня, 11 дней.

Начальник штаба эскадры Восточного Океана

Корпуса Штурманов подполковник Василий Матвеевич Бабкин, прибыл 12 июля с транспорта «Японец» и 10 августа убыл генерал-губернаторство Японии г. Иедо; 30 дней, 1 месяц и 2 дня.

27 флотского экипажа флаг-офицер

лейтенант Александр Михайлович Линден, 7-го июня с транспорта «Манджур» по 24 июля на фрегат «Аскольд» и 23 августа с фрегата «Аскольд» по 4 сентября убытие в Николаевск в 27 флотский экипаж. 74 дня, 2 месяца и 18 дней.

Командир пароходо-корвета «Америка»

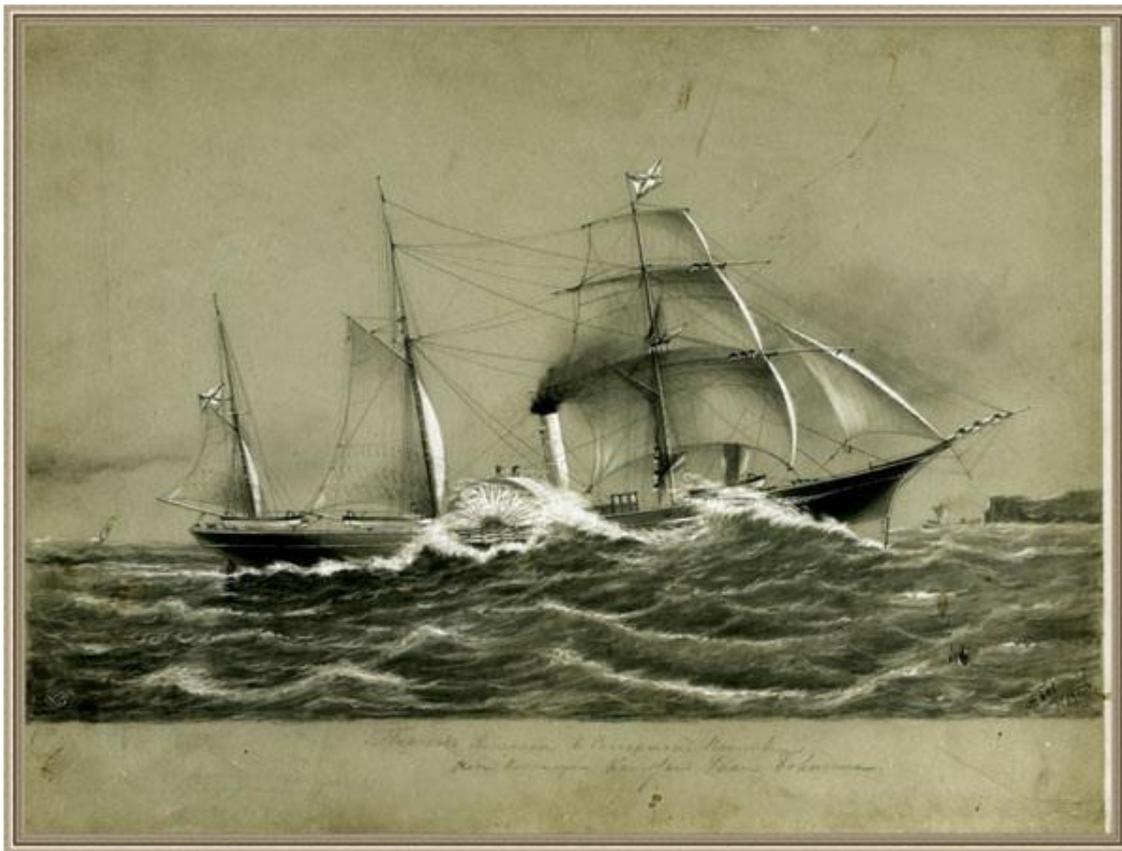
Капитан лейтенант Болтин (подпись)»^[102].

С лейтенантом А.М. Линденом, тогда ещё гардемаринном, А.А. Болтин проделал долгий путь кругосветного плавания на фрегате «Паллада» в 1852-1855 гг.

В этот раз первым пунктом захода был японский порт на о. Хоккайдо Хакодате.

Здесь Н.Н. Муравьев-Амурский передал японским властям документы на свои полномочия и отправился в Китай, по пути решив осмотреть приморские берега между мысом Горнет (Муравьев назвал его Поворотный) и устьем р. Тюмень-Ула (Туманная).

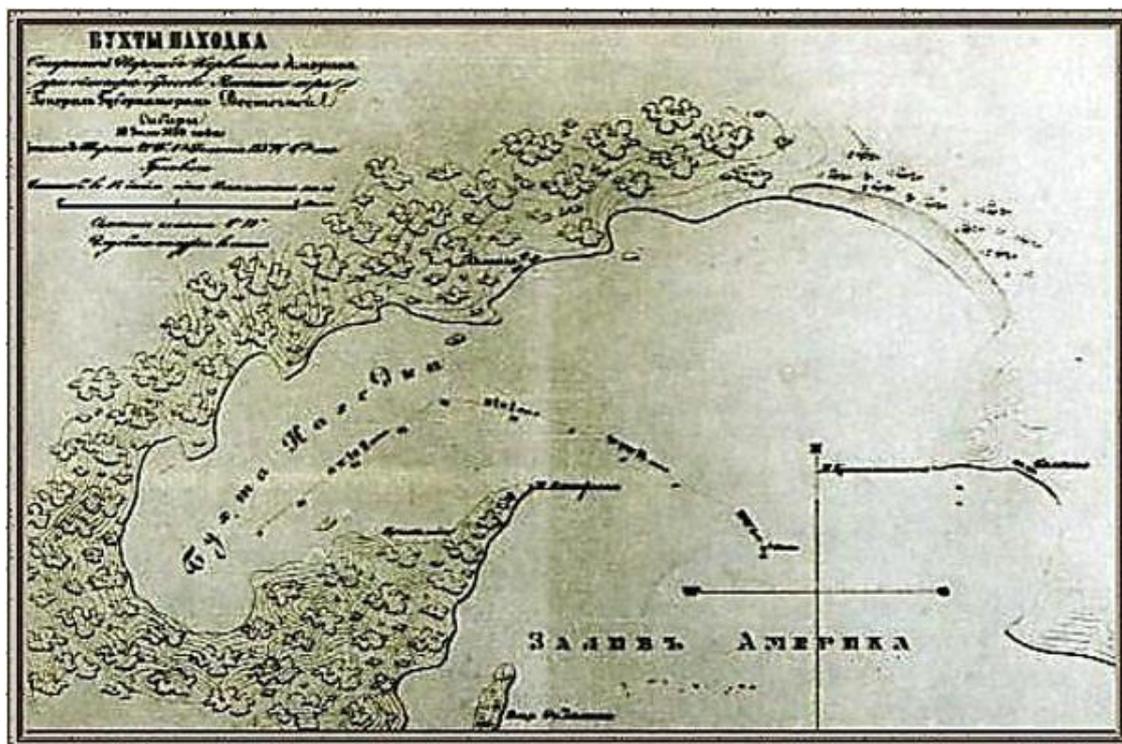
16 июня при полном штиле в удивительно жаркий день «Америка», несмотря на плохой хакодатский уголь, пересекла Сангарский пролив и подошла к мысу Поворотный на азиатском берегу. Обогнув мыс, моряки увидели большой залив, который простирался до 10 миль и миль на 12 внутрь материка.

Илл. 25. Пароходо-корвет «Америка» в Сангарском проливе. Рисунок А.А. Болтина. (ЦМ ВМФ. КП № 3755. Инв. № 02 Р-111).

Залив был назван Н.Н. Муравьевым-Амурским заливом Америка, по имени пароходо-корвета. Уже к вечеру обнаружили две незнакомые бухты. Наступающая темнота не давала возможности их обследовать, и «Америка» бросила якорь против устья широкой реки, омывающей высокую сопку у северной оконечности залива.

На следующий день началось обследование залива. На юго-западном направлении, недалеко от якорной стоянки была обнаружена небольшая бухта, закрытая холмистым берегом. Здесь стояло несколько домиков, жители которых сбежались смотреть на большой корабль. Так была открыта и названа бухта Находка. В шканечном журнале штурман Н.О. Красильников сделал историческую запись: «В 6 часов снялись с якоря, и пошли к осмотру берега по RWNW и, заметив на SW углубление, пошли по RWSW, а потом по RS и открыли бухту, имеющую положение от NO к SW около 3-х миль, шириною от 1 мили до 1½ миль, глубины везде ровно – от 5 до 4 саж[ен]. Грунт – ил с песком. На правом и на левом берегу два селения. По приказу Его Сиятельства (т.е. генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского – **В.Л, Г.Д.**) эта бухта названа „Находкой“»^[103].

Илл. 26. Первая карта бухты Находка, составленная по данным пароходо-корвета «Америка».

Офицер по особым поручениям Д.И. Романов^[104], сопровождавший Н.Н. Муравьёва-Амурского, оставил прекрасные описания плавания «Америки» в заливе Петра Великого. Стоит привести некоторые выдержки:

«...залив Пётр Великий вдаётся в берег обширной дугой, между мысом Поворотным и устьем р. Тумен-ула, составляющей границу между Манчжурией и Кореей. Ширина этого залива между помянутыми пунктами простирается по прямой линии до 100 миль (175 вёрст)

...

Илл. 27. Залив Америка (в 1972 году переименован на залив Находка) и бухта Находка. Фото со спутника.

Всё это углубление изрезано множеством заливов всевозможных форм, величин и очертаний и наполнено архипелагом островов, скал и камней, образующих множество глубоких гаваней и бухт. Трудно, кажется, найти на земном шаре другое место, где бы на таком малом протяжении берега нашлось такое обилие превосходнейших бухт и заливов, между которыми многие, конечно, могут занять видное место в ряду отличнейших гаваней целого мира. Из главнейших разветвлений залива *Пётр Великий* заслуживают внимания *четыре* обширных углубления, из которых *два* находятся около середины его, и *два* – у обеих оконечностей. Восточное из них, именно то, в которое мы зашли на ночлег, было очерчено на английской карте только приблизительно, пунктиром, из чего ясно, что сюда не проникало ни одно судно. Поэтому мы назвали это углубление по имени обследовавшего его в первый раз нашего парохода – залив *Америка*. Восточное, из двух средних углублений, названо залив *Уссурийский* (Napoleon gulf), западное – залив *Амурский* (Guerin gulf), и, наконец, четвертому углублению, находящемуся на западной оконечности залива *Пётр Великий*, оставлено прежнее русское название залив *Посьета* (golfe d#Anville)...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.